

Ирене Крекер

Невероятность равняется нулю

Роман

Ирене Крекер

**Невероятность
равняется нулю. Роман**

«Издательские решения»

Крекер И.

Невероятность равняется нулю. Роман / И. Крекер —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512681-8

Германия, 21-й век. Преуспевающий сорокалетний немец Пауль Грегер замечает, что его родственники странным образом уходят из жизни, как будто проклятие довлеет над его родом. Его цель — найти причину. Для этого ведёт поиск своих исторических корней. Судьба сводит его с профессором, работающим над созданием препарата для лечения амнезии, и тремя подругами, одна из которых, психиатр фрау Перец, страдает потерей памяти. События в романе развиваются стремительно и неординарно.

ISBN 978-5-00-512681-8

© Крекер И.
© Издательские решения

Содержание

Трилогия. Первая книга. По следам предков	6
Первая часть	6
Первая глава, в которой автор знакомит с Паулем и его мыслями, связанными с родословной	6
Глава вторая о том, как психиатр фрау Перец пытается бороться с признаками депрессии и потерей памяти	8
Глава третья, в которой на помощь психиатру приходит медсестра Илона	11
Глава четвёртая, в которой Илона знакомится с Миленой и решает ей помочь	14
Глава пятая, в которой Милена знакомится с медсестрой Илоной и психиатром фрау Перец	15
Глава шестая, в которой Пауль знакомится с Миленой	18
Глава седьмая о встрече, произошедшей в ресторане «Посейдон»	21
Глава восьмая, в которой Пауль начинает брать у Илоны уроки русского языка	22
Глава девятая, в которой Пауль совершает поездку в город Детмольд	26
Глава десятая, в которой Пауль делится с Илоной впечатлениями от поездки	28
Глава одиннадцатая, которая помогает понять причину болезни фрау Перец	29
Глава двенадцатая, повествующая о возвращении Милены в город, и о том, как она отреагировала на предложение Пауля поехать в Сибирь	31
Глава тринадцатая о том, что думает и как ведёт себя психиатр Перец, находясь в больнице	32
Глава четырнадцатая, в которой рассказывается о посещении Паулем и Миленой посёлка на берегу Ангары	35
Глава пятнадцатая о том, как фрау Перец совершает ночные обходы по отделению	39
Глава шестнадцатая, в которой фрау Перец покидает клинику и встречается с профессором Рихардом Замятиным	40
Глава семнадцатая, в которой Пауль знакомится с Вереной и предпринимает с ней поездку к «шаманке» Ксении	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Невероятность равняется нулю

Роман

Ирене Крекер

Корректор Валентин Васильевич Кузнецов

Психолог Вадим Семёнович Егоров

© Ирене Крекер, 2020

ISBN 978-5-0051-2681-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Трилогия. Первая книга. По следам предков

Первая часть

«Если человек не чувствует себя частью своего рода, он, скорее всего, будет психологически ощущать себя сиротой во всей своей жизни и будет стремиться восполнить это „психологическое сиротство“ каким-то другим способом. Ведь у каждого существа есть огромная потребность в принадлежности, потребность иметь пространство, где он будет – своим».

Виктория Райдос

Первая глава, в которой автор знакомит с Паулем и его мыслями, связанными с родословной

В глухой сибирской тайге в тех местах, где утро начинается с крика птиц и не встретишь за версту ни одного живого существа, если не считать белок, устраивающих концерты лесным жителям, или где ветер начинает пляску смерти, расшатывая деревья и создавая хаос из падающих столетних стволов, в течение многих лет существуют легенды и поверья о проживавших здесь некогда людях, сильных духом и крепких телосложением. В такие места лучше добровольно не ступать ногой и другому не советовать это делать. Местные охотники рассказывают жителям окрестных деревень, что там, в тущобах, сохранились диковинные сторожки. В некоторых проживают шаманки. Правда, их никто никогда не видел, но слухи о них передаются из одного поколения в другое. И нельзя уже установить, когда создавались эти предания, на чём они основаны, где в них правда, а где ложь?

Такая легенда передавалась из уст в уста и в семейном клане Пауля Грегера (нем. Gregger), проживающего в Германии. В наружности его не наблюдалось ничего необычного: высокий стройный блондин сорокалетнего возраста с правильными чертами лица. По словам матери, Пауль унаследовал внешность отца, которого не знал, так как к моменту рождения сына его уже не было в живых. В кругу знакомых Пауль выделялся тем, что находился в постоянной задумчивости. О нём говорили, что он не от мира сего. Никто даже предположить не мог, о чём он всегда думал. А друзей, которым он мог бы раскрыть тайну души, у него не было, если не считать коллег по работе и женщин. К ним он с юности был равнодушен. Они его тоже любили. В нём была какая-то притягательная сила взгляда, умение показать собеседнику, что он увлечён рассказом, ободряющая улыбка, манера говорить, плавные движения. Его спокойное выражение лица и в то же время какая-то затаённая печаль во взгляде поражали своим несоответствием и наводили на мысль о душевных страданиях. Какая-то загадка скрывалась за его внешним видом, и именно это притягивало к нему людей.

Не знали и не ведали представительницы женского пола, что мысли Пауля всегда были заполнены не случайными встречами и даже не работой, которую он любил. Однажды в юности ему приснился сон, как он, прорываясь через таёжные дебри, вышел к сторожке, над которой струился дым. Какая-то старая женщина манила его костлявой рукой. Жутко ему тогда стало, страшно и мутно. Очнулся в поту, слезах. Страх пронзал душу. До костей пробирающий страх. Он и сейчас не отпускал его в минуты одиночества. С тех пор этот сон, картина в картину, повторялся неоднократно на протяжении многих лет. Юноша не мог спать спокойно. Он

взрослел, появлялись новые дела, заботы, но сновидения продолжали мучить. В одну из таких бессонных ночей Пауль поставил перед собой цель – разгадать тайну необычного сна. Он задумал личное расследование, чтобы понять, кто и что за ним стоит?

«Разгадка хранится где-то в глубине таёжных сибирских мест, – часто думал он. – Не случайно же бабушка говорила маме, что именно в високосном году можно раскрыть какую-то семейную тайну. Нужно верить внутреннему голосу, отдаться ему, пойти за ним. Тем более, что не от кого больше ждать советов. Мама так и не дождалась, когда я решусь на поездку в Россию, к моему горькому сожалению, она помочь уже не сможет. Близких людей по крови осталось по линии отца в роду только двое – я и старшая сестра Эдита, проживающая тоже в Германии. Да, вот ещё тётя, которую и в светлый день, и в тёмную ночь, после смерти двоих детей, сопровождают кошмары. Она пока ещё держится, но чего ей это стоит? В роду происходят какие-то постоянные трагедии, о которых не принято говорить. Несчастья происходят одно за другим в определённой последовательности. В последние годы они значительно участились. Так двадцать лет назад сбросился с многоэтажки шестнадцатилетний двоюродный брат. Через несколько лет дядя в пятидесятилетнем возрасте лишил себя жизни, а ещё через несколько лет и другого кузена постигла та же участь. А там долго ждать не пришлось – сына умершего дяди бездыханным нашли на лестничной площадке около его квартиры».

«Может, порча это, может, сглаз, кровавая обида или неискупленный грех? – сказала как-то мать в порыве откровенности. – А, может, карма?»

«Что такое карма? – думал Пауль бессонными ночами. – Точный ответ на этот вопрос мне так найти и не удалось, но если ничего не делать, то тайна сама собой не раскроется. Сколько мне ещё осталось прожить? Я никак не могу жениться. Были женщины, которые нравились, ни одна из них не подарила ребёнка. Может, и это связано с семейной тайной? Почему этот рок висит над нашим родом?»

Инертность характера мешала Паулю сдвинуться с мёртвой точки. Так проходили дни, месяцы, годы. Он уже был не юноша, а зрелый сорокалетний мужчина, который не мог спокойно жить, постоянно думал о превратностях судьбы. «Кто-то или что-то движет событиями, переплетает судьбы, толкает людей на действия, которые не присущи им по характеру? Как это узнать? Что нужно для этого сделать?»

Пауль помнил слова матери: «Если что-то задумал, представь идею за задачу и подбери ключик к её решению. А для этого нужно наметить дальние и близкие цели и, ставя конкретные задачи, находить ответы на них. Если не получится одним путём, возвращайся на исходную точку и начинай снова, измени путь, но не меняй цели».

«Моя мать – женщина умная, – часто думал Пауль. – Она вложила в меня свои мысли, надежды и всегда верила, что из меня вырастет человек, который поймёт своё предназначение, справится с задачами, поставленными передо мной жизнью. Почему бы не начать с малого и совершить поездку в Россию, туда, откуда приехали мои родители? Их предки уходили оттуда в те давние времена целыми поселениями, так называемыми колониями. Они шли сначала на юг страны, а потом переправлялись по морю в Канаду, Бразилию, Мексику, Парагвай. По всему миру их развеяло. Что, какая сила заставляла их уходить из тех диких мест? Они ушли оттуда, но, по-видимому, мои прародители что-то не довели до конца. Вот теперь молодые и расплачиваются жизнями за поступки старших, тех, кто вывел родичей из гиблых мест, но не уничтожил заразу, которая, проникнув в сознание людей, уничтожает волю и разум, ведёт к гибели, вырождению рода».

Пауль начал изучение истории своего рода. Само слово меннониты ему ни о чём не говорило. Он думал, что это – народность, а оказалось – вера, религиозное течение, и оно берёт начало с анабаптистского конгресса в 1536-ом году, на котором был принят манифест о неприятии насильственных методов преобразования мира. Выразителем таких воззрений стал тогда голландский католический священник Симонс Менно, с уважением относившийся к реформам

Мартина Лютера. В Нидерландах и в Германии меннониты жестоко преследовались и постепенно переселились в прибрежные районы Северного моря, в нынешний немецкий Гамбург, Алтону, Ольденбург, в Западную Пруссию и Польшу. В Западной Пруссии они прожили примерно 200 лет. Здесь у них окончательно сложился диалект «платтдойч / простой нижненемецкий». Случайно Паулю попала на глаза в интернете книга о возникновении и развитии немецких колоний Хортица и Молочная, переизданная на литературном немецком языке в Канаде. Его заинтересовала история, рассказывающая о пребывании 21 мая 1818 года русского царя Александра I в доме священника Давида Гиберта в деревне Линденау колонии Молочная. Абрам Крекер, житель этой деревни, в 1900 году оставил об этом событии запись в своём календаре (Christlichen Familienkalender), а позднее писал о нём в своей хронике.

«Надо же, – думал Пауль, читая эти строки. – Фамилия Крекер созвучна моей фамилии Грегер. Может, она с течением времени претерпела изменения. Об этом что-то говорил маме отец, но, когда она мне об этом рассказывала, я не обратил внимание на такие тонкости языка. Думаю, что книга не случайно попала мне в руки. Возможно, что Абрам Крекер, из тех моих родственников, которые через Данциг перебрались по зову Екатерины II, российской императрицы немецкого происхождения, в Таврическую губернию, на нынешнюю украинскую территорию, где и основали меннонитскую колонию Молочная. Слава Богу, что в то время были люди, которые оставляли после себя свидетельства о пережитых событиях. Меня удивляет только одно, что фамилия Крекер пишется в этом издании с одним „к“ в середине слова. Меннонитская фамилия в русском варианте, как говорил маме отец, пишется с двумя „к“, а в немецком – Kröcker. Книга переиздана немецким издательством ещё в 1951 году. В ней не должна быть допущена ошибка. Всё это очень интересно и даёт материал для размышлений».

Глава вторая о том, как психиатр фрау Перец пытается бороться с признаками депрессии и потерей памяти

Проснувшись раньше обычного, но лёжа ещё в постели, фрау Перец ощутила прилив какого-то необычного внутреннего волнения, подступавшего комом к горлу.

– Что же произошло вчера? – думала она, теребя прядь чёрных волос, с которой не расставалась в минуты внутреннего беспокойства. – Почему сердце так лихорадочно отсчитывает секунды?

Доротея Перец включила радио, стоящее на прикроватной тумбочке. Вслушалась в слова диктора:

– Несмотря на прогнозы экспертов, миллиардер Дональд Трамп, победивший Хиллари Клинтон на президентских выборах... Большинство британцев на референдуме проголосовали за выход Соединённого королевства из Европейского Союза.

– Что мне за дело до этих миллиардеров и королевств? Тут бы хоть в себе разобраться. Хотелось бы знать, что происходит со мной в последнее время? – раздражённо подумала женщина и в сердцах выключила радио. Внешний мир в последнее время не радовал и не интересовал её, как и политические события, которые развивались сами по себе, а она, вращаясь в малом кругу внешних перемен, плыла по жизни, пытаясь отгородиться от кошмаров, происходящих в действительности.

– Какое мне дело до всего того, что там происходит? – продолжала думать женщина, не переставая теребить чёрную прядь. – Пусть политики мир начнут делить по-новому, какая мне разница? Ну, налоги ещё раз работающим увеличат. К этому уже давно все граждане Германии привыкли и не ропщут, если только в подушку. Куда уж дальше, если каждый год повышаются цены на воду и электричество, если с пенсионеров часть заработанного за жизнь забирают в конце года подходным налогом, обирают пожилых людей, опираясь на многочисленные

законы и параграфы? К чему дальше придёт мир, если будет развиваться такими темпами? Да, и куда уж дальше?

Доротея давно перестала думать об этом. Но сегодня её мысли крутились в каком-то невообразимом хаосе, бросая в котёл размышлений события последних дней. Она вновь включила радио, голос диктора сообщал уже о новых террористических актах, происходящих в Европе и Азии.

– Не думаю, что эти события так сильно повлияли на моё внутреннее состояние? – рассуждала Доротея, всё глубже погружаясь в состояние недовольства собой и окружающим миром. – Нет, причину моего волнения нужно искать в ближайшем окружении.

Женщина поёжилась от сознания беспомощности. В комнате было прохладно. Забыла с вечера включить ночное отопление.

– С этой экономией электричества скоро буду спать и летом под ватным одеялом, – недовольно подумала она, сидя на кровати, опустив ноги на мягкий коврик. – Почему в последнее время меня такие мелочи раздражают? Всё же хорошо. На меня никто не нападает. Окружающие люди мною довольны. Никто не пытается оскорбить, обидеть? Где же тогда корень зла, та причина, которая грызёт изнутри, мешая спокойно жить?

Перед глазами возникали сцены вчерашнего дня: разговор с пациенткой, которая пыталась переложить груз забот на её плечи, беседа с руководителем отделения, чьим мнением она дорожит, но своими мелочными придирками он умеет и её выбить из привычной колеи. Да, был ещё обед в закусочной со знакомым психологом из соседнего отделения. Почему-то он сказал именно вчера, что пора менять профессию, так как чувствует себя почти в пограничном состоянии, и это становится опасным. Она не возразила ему, даже согласно кивнула головой. Почему она так покорно вела себя? От усталости или всё же от понимания, что он прав и что психика после двадцати лет работы с больными, имеющими особенности психического развития, действительно может находиться в пограничном состоянии. Никому не хочется эту границу пересекать, но, как специалист в этой области, она прекрасно понимала, что такое происходит само собой, по крайней мере, без вмешательства человека извне.

– Может быть, именно в этом и причина моего сегодняшнего беспокойства? Ведь преследуют же меня по ночам эти дурацкие сны. Нет, нет, я вижу в них не чудовищ, до этого, слава Богу, ещё не дошло. Я часто встречаюсь в снах с отцом, который меня очень любил. Он рано ушёл из жизни. Говорят, злокачественные опухоли являются результатом стресса. Отец его не выдержал и приобрёл болезнь, которая никого не спросила и атаковала его, вошла в него и уничтожила физически в течение нескольких месяцев. Не знаю, как мать смогла это выдержать, прожить долгую жизнь в одиночестве, опираясь на помощь детей, немного позже всё же потеряв сына в юношеском возрасте. Сама она выдержала битву с тёмным миром, дожив до глубокой старости, а он, к сожалению, нет.

– Бог дал ей силы справиться, – подумала Доротея о матери. – Даст ли он их мне? Что же всё-таки произошло сегодня со мной во сне? Помню последнюю сцену: стою у окна, вглядываясь вдаль, но ничего не вижу. Меня окружает жуткая пустота, а за окном – тёмная ночь. Двадцать лет проработала врачом-психиатром. Но в последнее время чувствую, что теряю нить, связывающую меня даже с близкими людьми. Жизнь как будто остановилась в своём течении. Часто всплывают в сознании где-то прочитанные слова: «Кажется, я выхожу на последнюю прямую, которая ведёт меня в никуда, в неизвестность или всё же в вечность?» Не рановато ли я задумалась над этим в мои-то пятьдесят лет? Сейчас понимаю, что сон не случаен. Остро ощущаю, что настоящее – это миг, а прошлое – в прошлом.

Резко зазвонил будильник, нарушив тишину квартирного мира. Доротея вздрогнула от неожиданности: «Мечтай не мечтай, а на работу идти надо. Осталось немного времени на приведение себя в относительный порядок. Приём душа и всё, связанное с личной гигиеной,

займёт немного времени. Это дело привычное, выработанное с годами. Кофе приготовить – тоже не проблема всегда придаёт бодрость духу, энергию телу».

Через минут десять она уже сидела за кухонным столом. Отхлебнув из любимой глиняной кружки несколько глотков, почувствовала приток жизненной энергии. «С этим справилась, – пронеслось в сознании. – Прекрасно. Дальше тоже всё будет хорошо». Наспех перелистав свежий номер городской газеты, она вышла из квартиры, плотно закрыв дверь. До прихода регионального поезда оставалось десять минут. «Слава Богу, что хоть он приходит почти всегда по расписанию», – отметила мысленно важный для себя факт.

Через полчаса Доротея Перец уже входила в фойе клиники. На лифте поднялась на второй этаж. В закрытом помещении она всегда чувствовала себя защищённой. «Здесь, по крайней мере, можно расслабиться, закрыть глаза и ни о чём не думать». Двери лифта открылись на втором этаже. В конце длинного коридора находится её кабинет, где она постоянно ведёт приём больных: «Вот и это расстояние преодолено». Взглядом хозяйки оглядела рабочую комнату. Здесь всё привычно: стол, кресло, полки с личными делами пациентов. Всё, как всегда. «Спокойна, я совершенно спокойна. Пусть хоть гром грянет над головой, мне ничто не страшно. Здесь и стены помогают, и мысли не растекаются по древу, и всё встаёт на свои места. Хотя меня всё ещё беспокоит этот противный голос, который с утра нашёптывал какие-то гнусные слова, требующие немедленных действий. Или мне это только показалось? Не могу сконцентрироваться в реальности».

Войдя в рабочий кабинет, фрау Перец лихорадочно открыла замок куртки. Сорвала её с плеч, привычным движением руки повесила на крючок вешалки. «Всегда и во всём должен оставаться порядок. Чёткость движений поможет избежать несогласованности действия и мыслей», – подумала она. Села в кресло, на минуту закрыла глаза, сделав попытку расслабиться. Не получилось. «Устала, – мелькнула мысль, – а рабочий день только начинается. Как же я доживу до его конца?»

Робкий стук в дверь вывел её из состояния задумчивости. В комнату вошла пациентка, фрау Дольская, лицо которой выражало высшую степень взволнованности.

– Доктор, я сегодня ночью не смогла заснуть. Какие-то жуткие существа пытались выгнать меня из комнаты. К середине ночи получила информацию, что под кроватью находится бомба, и в любой момент она может взорваться. Я вышла из комнаты, позвала дежурную сестру. Та не поверила мне, но позволила находиться в коридоре. Я боюсь. Меня преследуют. Помогите.

– Подойдите ко мне, сядьте на этот стул. Успокойтесь. Вы просто устали. А как с таблетками? Вы приняли их сегодня? Ну, и прекрасно, сейчас вы успокоитесь, и всё будет хорошо. Расскажите мне, чем вы занимались сегодня утром?

Больная присела на краешек стула, прикрыла глаза и заговорила, медленно выговаривая слова:

– Я лежала в постели и вспоминала родителей. Дома было так хорошо. Покой и радость. Часто звучала музыка. Мама с папой любили друг друга. Потом началась война. Отец ушёл на фронт. А потом... Потом мама получила письмо и громко закричала. Она лежала несколько дней в кровати, ни ела, ни пила. А мы, мал-мала меньше. Потом я не могла больше сдержаться, закричала в голос, засмеялась громко.

Неожиданно пациентка забилась в истерику. Через несколько минут она, безуспешно хватаясь руками за край стола, упала на пол.

Глава третья, в которой на помощь психиатру приходит медсестра Илона

Илона сидела в это время в ординаторской и, как всегда, когда она находилась одна и у неё было свободное время, вносила запись в дневник жизни. Писательство было её хобби, скрашивающее жизнь в этой богадельне, которая в течение последних лет стала её вторым домом. Об этом её занятии никто в отделении даже не догадывался, но в короткие минуты паузы или, как сегодня, в предутренние часы, когда коллеги ещё были в дороге и не находились в рабочей комнате, она позволяла себе открыть заветную тетрадь, которую всегда носила с собой, чтобы внести туда пару новых мыслей.

Сегодняшняя запись началась так: «Мне нравится находиться ранним утром в отделении. Когда день только начинается, хватает ещё энергии и времени, чтобы обогреть пациентов улыбкой, словом, делом, побыть с ними наедине, хотя бы несколько минут. Вот сегодня я уже и утренние таблетки раздала, лежащих больных – водой напоила, нуждающихся – в туалет сводила, одним – одеяло поправила, другим – привет из мира, расположенного за стенами клиники, передала. С больными у меня свои отношения: к каждому свой ключик имеется, условный знак, слово, сигнал. Скоро подойдут коллеги, тогда начнётся жизнь и в нашем отделении закрытого типа».

Размышления Илоны были прерваны каким-то неясным шумом. Затем раздался стук, крик. Она сразу поняла – что-то непредвиденное произошло за дверью кабинета психиатра. Утром она видела фигуру врача фрау Перец, почему-то очень медленно идущую к своему кабинету. Илона тогда ещё подумала: «Чего ей-то не спится? Ненормированный рабочий день, обход больных только с девяти часов, могла бы ещё дома посидеть, другими делами заняться».

А сейчас, не раздумывая, Илона побежала к кабинету врача, рванула на себя дверь, и первое, что увидела – это больную фрау Дольскую, которая лежала посреди комнаты и корчилась в судорогах. Доктор Перец в это время лихорадочно нажимала на кнопки телефона, вероятно, пытаясь вызвать кого-нибудь на помощь.

Зная, что в этой комнате, предназначенной ранее для склада, нет сигнальной кнопки – с её помощью можно было бы оповестить о случившемся персонал нижнего отделения больницы, Илона по телефону, который носила всегда с собой, позвонила врачу, дежурному по клинике. Сама же, сразу определив, что у фрау Дольской приступ эпилепсии, больная продолжала корчиться в судорогах, и пена шла у неё изо рта, перевернула на бок. Нужно было срочно принести из дежурной комнаты чемоданчик, в котором находились медикаменты первой необходимости. Эту роль взяла на себя фрау Перец, которая уже слегка отошла от первоначального шока. В который раз Илона убедилась, что психиатры порой беспомощны, когда дело касается оказания практической помощи больным. Сама же она продолжала действовать согласно инструкции медсестры. В данной ситуации большего от неё и не требовалось.

Медсестра Илона держала ситуацию под контролем. Позже она напишет в своём дневнике: «Дежурный врач, оказавшийся по вызову в соседнем отделении, расположенном на первом этаже, уже оказывает помощь больной. Коллеги, пришедшие на смену, стоят невдалеке. Они каждую минуту готовы выполнить приказ врача. Укол сделан, тело больной обмякло. Сейчас она придёт в сознание, будет доставлена в свою комнату. На этом утренний инцидент исчерпан, забыт, так как много других случайностей подстерегает персонал и больных в течение дня».

После обеденной паузы психиатр, доктор Перец, вызвала Илону к себе в кабинет. Разговор шёл о пациентке Дольской, её прошлом, о болезнях, об особенностях поведения в течение дня.

– Да, после того, как стало известно, что у фрау Дольской рак груди, общаться с ней стало трудно, – поделилась Илона своими наблюдениями.

– Мы предлагали ей операцию, – перебила её фрау Перец, – но она не дала согласия. А без её согласия, как вы знаете, мы не имеем право направлять её на операцию.

– Да, да, персоналу это известно. Ведь и фрау Шнайдер была в её состоянии, но та дала согласие. Теперь у неё операция позади. Вы же видели её сегодня? Никаких проблем, и настроение улучшилось. Песни поёт целыми днями.

– Судьбы у женщин разные, – сказала фрау Перец задумчиво. – Фрау Шнайдер намного младше фрау Дольской и у неё отклонения в психике не так сильно выражены. Фрау Дольская прошла войну. Была переводчицей. Много чего повидала и пережила. Такое не забывается, даже если психика нарушена. Страх сопровождает её всю жизнь.

– И неадекватное восприятие действительности.

– Раздвоение личности. В двух мирах она живёт. Вы этого не замечали?

– Что вы! Конечно, замечала. Это проявляется и в её отношении к персоналу. Она мне однажды сказала: «Вы не медсестра Илона, вы её двойник. У медсестры Илоны сегодня выходной, у неё двое детей.»

– Она ведь в нашей психиатрической клинике проживает уже с конца сороковых годов. Как ни прискорбно, но это так. Не смогли мы ей помочь. Медикаменты раньше не те были, а современные тоже не дали положительного эффекта.

– Да, это касается и многих других, кто прошёл через страшные годы Второй мировой войны, много судеб она покалечила. Жаль мне их всех.

– Спасибо, что вы так оперативно действовали утром. Рада, что у нас в клинике такой обученный персонал. А давайте проведём сегодняшний вечер вместе в каком-нибудь ресторане. Не беспокойтесь, я вас приглашаю. Мне будет приятно продолжить наш разговор.

Илона не смогла отказать врачу, хотя посещать такие заведения было не в её правилах. Тут выяснилось, что обе живут в одном микрорайоне, добираются до работы одним путём, только фрау Перец преодолевает его на региональном поезде, а Илона – на автомобиле.

Придя домой, Илона сто раз пожалела о том, что согласилась на встречу с врачом в неофициальной обстановке. Она чувствовала себя уверенно только на рабочем месте, где была профессионалом, и в своей однокомнатной квартире, в четырёх стенах, где никто не мог нанести ей удара в спину. «Как я всё-таки легко соглашаюсь со всеми. Зачем мне это нужно, уставшей сейчас идти в какой-то ресторан, вести там разговор на непонятную тему, да ещё с психиатром, не зная зачем и не понимая о чём?»

Настроение Илоны окончательно испортилось, когда она, открыв створки платяного шкафа, пыталась отыскать в нём то, чего там не было. «В чём же мне пойти на эту треклятую встречу? Что надеть? Мой гардероб совершенно не рассчитан на такого рода времяпрепровождение». Потом медсестра вспомнила, как однажды коллега, знавшая о том, что Илона – одинокая женщина, несколько лет назад приехавшая из Берлина, сказала ей перед походом в какой-то ресторанчик: «Ты не заморачивайся насчёт одежды. Мы ведь не в театр идём, просто поужинать». В Берлине Илона никогда бы себе не позволила прийти в ресторан в брюках и простом пуловере: «Но в данном случае такая одежда, вероятно, подойдёт лучше всего, – решила она. – Бог её знает, нашу фрау Перец, какова она в общении с персоналом вне клиники? Зачем я, дура, согласилась? Теперь напрягаться придётся. О чём-то ведь надо будет говорить? Между нами ни одной точки соприкосновения, не считая пациентов, да этот утренний случай. Ну, хорошо, если будет совсем не по себе, всегда смогу уйти, этого фрау Перец мне запретить не сможет?» – в конце концов решила Илона.

Дальнейшие сборы были недолгие. Она с детства не привыкла к косметике, время на это и сейчас тратить не стала. Подошла к большому зеркалу. Внимательно всмотрелась в своё отражение. Оттуда на неё внимательно смотрела рыжеволосая шатенка с карими глазами. Илона

выглядела моложе своих лет, благодаря короткой стрижке. «Да, годы не красят, – думала женщина, разглядывая себя в зеркале. – Густые волнистые волосы – это моё достояние, гордость в некотором роде. А вот морщинки... Они уже начали плести сеть вокруг глаз. Хорошо, что хоть, в мои сорок пять лет нет глубоких морщин. Что-то ещё будет?» Чуть прищуренные глаза выдавали высокую степень внутреннего напряжения. Розовые щёки говорили о сильном волнении. «Накрутила себя. Так и до инфаркта недалеко. В конце концов я ведь не на свидание иду. Кому я нужна в этом ресторане, чтобы меня рассматривать?»

Чтобы окончательно не раздумать и не остаться дома, Илона быстрым шагом подошла к двери. На всякий случай оглянулась, по старой привычке не оставляя за собой беспорядок. С детства ей в семье были привиты два качества: аккуратность и пунктуальность. Но вместе с тем именно в детстве сформировался в ней и комплекс неполноценности. Среди подруг она отличалась излишней нерешительностью. Постоянная внутренняя борьба, сомнения, разрушающие душу, мешали самостоятельно принимать решения. Став взрослой, пришла к выводу, что неуверенность характера развилась в связи с близорукостью. Очки носить не хотела, боялась обидных прозвищ со стороны сверстников. Ей хватало и того, что родители всю жизнь что-то от неё скрывали. Она чувствовала это, но спрашивать не решалась. Только когда пошла в первый класс, поняла, что родители немцы, но родом из России. К таким людям её сверстники относились с пренебрежением, поэтому, сделав такое открытие относительно своего происхождения, девочка не испытала тогда большой радости.

Сейчас времени на размышления не оставалось и, хлопнув дверью, закрывшейся автоматически, Илона быстро сбежала по ступенькам вниз. Уверенным шагом, выработанным с годами, направилась на встречу с фрау Перец, которую в глубине души недолюбливала и опасалась.

Женщины пришли в ресторан одновременно. Здесь было шумно и совсем не соответствовало представлениям Илоны о такого рода заведениях. Официант предложил им столик в глубине комнаты. Там был полумрак, и это успокоило Илону окончательно. Пока она мучительно обдумывала тему для беседы, Доротея Перец начала разговор сама:

– Я живу одна. Несколько лет назад произошёл несчастный случай, в результате которого погиб муж. Наши отношения с ним к тому времени уже не были крепкими. Он проводил большую часть времени вне дома, в разъездах по делам фирмы, в которой работал много лет. Была ещё падчерица Эмма, дочь умершей сестры мужа. Но с ней у нас не сложились доверительные отношения. Я коротала вечера за чтением книг. Психиатрия – наука не до конца изученная. Занялась научной работой, за основу взяв проблемы памяти. Слава Богу, что мне нравится моя работа. Она – моё спасение и сейчас, а в тот период заменяла и мужа, и подруг, и детей. Своих у нас так и не появилось. Сначала муж не хотел, ему достаточно было племянницы Эммы, воспитанием которой он серьёзно занимался. Они хорошо понимали друг друга. Одна кровь в жилах текла, тут ничего не скажешь. Я сжилась с мыслью, что своих детей не будет. Да, и времена были, как и сейчас, беспокойные. Потом мужа не стало. Эмме исполнилось восемнадцать, она ушла из дома. Оставшись одна, я отступила от своих принципов, начала встречаться с приличным человеком, который был значительно моложе меня. Но обстоятельства сложились так, что мы полгода назад расстались, – фрау Перец внезапно замолчала. Сидела безучастная ко всему, наматывая на указательный палец свою чёрную прядь. Коллеги Илоны уже давно заметили, что это признак внутреннего беспокойства врача, когда она не видит ничего вокруг, погружаясь в свои мысли.

Понимая, что та ушла в воспоминания, вероятно, нелёгкие для неё, но, чтобы молчаливая пауза не затянулась, Илона начала рассказывать о своей, как ей казалось, неудавшейся личной жизни:

– Я тоже живу одна. От мужа уехала несколько лет назад. У меня есть сын Влад, но он живёт у отца в Берлине, учится там в университете. Мужчины меня не интересуют. В молодости

сти ждала суженого на белом коне, но он так и не появился на горизонте. Несколько случайных встреч не убедили меня в том, что нужно заводить семью без любви. Поняла, что свобода действий – важное условие для жизни. Правда, одиночество не придаёт силы. Тоска заедает. Душа на волю просится. Тесно ей.

– Ты права, Илона, – очнувшись от мыслей, поддержала её фрау Перец, – когда я дома одна, на меня накатывает такая душевная боль, что я не могу оставаться в четырёх стенах, боюсь, что сорвусь на крик или начну колотить кулаками в стену от бессилия. Чего только не натворишь, если мысли загоняют в угол и не дают покоя.

Илона никогда раньше не видела фрау Перец в таком душевном состоянии, даже не могла себе представить её такой. Чем-то они всё-таки были друг на друга похожи, наверное, бабьей долей, поставившей их обеих перед вопросом: Как жить дальше? Илона была моложе фрау Перец, но в продолжении беседы они прекрасно понимали друг друга. В конце вечера договорились ещё раз встретиться, продолжить так хорошо сложившийся разговор.

Глава четвёртая, в которой Илона знакомится с Миленой и решает ей помочь

На другой день, знакомясь с личным делом новой пациентки, медсестра Илона прониклась уважением к этой миловидной светловолосой женщине. Чем-то её судьба напомнила ей свою. Нет, конечно, не во всём, а просто некоторыми деталями. Мужья обеих были намного старше их. О большой любви в их семьях говорить не приходилось. Да и одиночество, которое разъедало душу Илоны, тоже было свойственно этой молодой блондинке.

– Буду уделять ей больше внимания, – подумала Илона после первой встречи с пациенткой. – Имя у неё такое приятное – Милена. Русские бы сказали: от слова «милая», что значит дорогая, любимая, близкая душе.

У Илоны проснулся неподдельный интерес к личной судьбе женщины ещё тогда, когда она несколько дней назад увидела новую пациентку в парке в обществе её мужа. Такие мужчины, квадратной внешности, солидные до умопомрачения, считающие себя столпами мира, ей никогда не нравились. Вероятно, он служил в каком-то учреждении или был бизнесменом. Илона знала из опыта, что такого рода реалии накладывают отпечаток на внешность человека. Он был уже не молод. Лицо круглое, с выпяченной вперёд челюстью, придавало ему какое-то неприятное выражение. Видно было, что он считает себя не пешкой и даже не офицером, а королём, и это чувствовалось в его горделивой осанке, в повороте головы, во взмахе руки даже здесь в парке психиатрической больницы, где, казалось, не перед кем было вести игру в своё величие.

Илона чувствовала, что ему самому неприятен спектакль, который он подготовил и разыгрывает сейчас, имея артистическую натуру, но он хотел довести его до конца, раз уж когда-то начал. «Такие мужчины однозначны и примитивны, – подумала тогда Илона. – От них ничего нельзя ожидать, кроме мыслей: «Подумаешь, застала жена однажды с любовницей, и что теперь, поднимать из-за этого шум, скандал? Ну, нет, она ещё тысячу раз пожалеет, что испортила мне репутацию верного мужа семейства. Да, факт не из приятных, но зачем из этого ещё делать трагедию? Видишь ли, он её предал... При чём тут предательство?»

«От таких мужчин и ожидать больше нечего, – подумала тогда медсестра Илона. – Хорошо, что в письме к врачу он не пользовался научными терминами. В его рассуждениях всё шито белыми, вернее сказать, чёрными нитками, говорящими об огульном обвинении некогда любимой женщины, которое не стоило и выеденного яйца».

В личном деле находились и описанные им, в доказательство своей версии, ситуации, которые явились бы хорошей рекламой для фильма ужасов.

К примеру: За окном ночь, обитатели дома спят, и вдруг раздаётся шум. Мужчина просыпается, а его любимая жена стоит над ним и обливает его водой из графина. Другая сцена: он пришёл домой немного раньше, а она стоит в углу спальни и разговаривает с кем-то невидимым о совместных планах убийства мужа. Он окликнул её, а она, не узнав его, с криком выбежала из комнаты. Через какое-то время он нашёл жену плачущей в другой комнате за тяжёлым занавесом. Описаны и другие случаи, когда жена, разговаривая с ним, вдруг замирала и начинала что-то шептать тихо и безумно, отстраняясь от него, как от незнакомого существа, нечаянно появившегося в комнате. А эти вечные страхи, что их хотят разлучить, подозрения в шпионаже, бесконечные ссоры из-за того, что он поздно возвращается домой.

Муж перечислял в письме и другие доказательства психического расстройства жены, которые заключались в том, что она забывала многие события и факты, называла знакомых не их именами и, запираясь в своей комнате, часами не давала о себе знать.

Проработав медсестрой в психиатрии много лет, Илона поняла сразу, что Милена – женщина очень ранимая по своей натуре и что она находится всего лишь в состоянии депрессии. «О признаках шизофрении в случае с этой молодой женщиной говорить нельзя, – промелькнуло в сознании медсестры. – Испытав неверность мужа, она просто не смогла справиться с накатившим на неё нежеланием жить и в приступе отчаяния приняла большое количество снотворных таблеток». «Прививок от столкновения со случаями предательства, к сожалению, пока не изобрели», – подумала медсестра, а про себя решила непременно помочь этой симпатичной женщине выйти из состояния душевного кризиса.

Глава пятая, в которой Милена знакомится с медсестрой Илоной и психиатром фрау Перец

Милена проснулась в это утро рано. Ей не хотелось открывать глаза, тем более вставать с постели. Холодом веяло отовсюду.

– Дожила, – подумала она вслух, – докатилась. Много пришлось пережить, но, чтобы проснуться и не знать, где находишься? Такого ещё не было. Что я не дома – это точно, но как я здесь оказалась? Почему ничего не помню?

Она осмелилась приоткрыть глаза. Первое, что увидела, было зеркало, стоявшее на тумбочке. Осторожно взяла его в руки, приблизила к лицу и тут же отшатнулась. Какая-то незнакомая испуганная женщина смотрела на неё из глубины отражения.

– Где моя улыбка? Почему я так напугана? Да я ли это? Что происходит? Кто-то насмехается надо мной?

Взгляд Милены упал на соседнюю кровать. Там лежала женщина, наблюдавшая за ней с неподдельным интересом в глазах.

– Кто вы? – спросила Милена громко. – Почему я здесь?

Женщина натянула простыню на голову и пробурчала в ответ что-то нечленораздельное. Это напугало Милену ещё больше. За стеной раздался крик. Потом всё стихло. Тишина какая-то подозрительная, ненастоящая. Соседка уронила на пол стакан с водой. Звон разбившегося стекла снял напряжение, но не уничтожил страх.

– Помогите! – закричала Милена что есть силы. Потом, увидев на стене красную кнопку вызова, нажала на неё.

Через минуту в комнату вбежала медсестра в белом халате:

– Что случилось? Кто из вас меня вызвал? Кому нужна помощь?

– Больница, – прошептала Милена. Из груди её вырвался вздох облегчения. – Вы – ангел, спустившийся на землю, – прошептала она медсестре. – Помогите мне понять, почему я здесь? Голова очень болит, как будто меня долго по ней били.

– Не бойтесь. Вы в надёжных руках. Давайте знакомиться. Меня зовут Илона. Я медсестра в этом отделении. Ничего страшного вас здесь не ожидает.

– Хорошо, если так, – ответила ей Милена. – Но что же всё-таки со мной произошло?

– Это вам лучше знать. Муж привёз вас сюда вчера вечером в бессознательном состоянии. Позже у вас состоится разговор с врачом отделения, тогда всё узнаете.

Слова, вернее, голос медсестры, звучал спокойно, давал какую-то уверенность. Милена откинула голову на подушку, прикрыла глаза и забылась внезапно навалившимся сном.

– Ну, и слава Богу, – подумала про себя медсестра. – Не моё это дело – сообщать диагнозы пациентам. В следующий раз проснётся, может быть, и вспомнит, почему она здесь оказалась. Все сначала ничего не помнят, позже откровение приходит.

– А вам, Мария, тоже пора вставать, – сказала она соседке Милены по комнате. Примите душ, и я жду вас на завтрак. Новый день начался, пора принимать в нём участие.

Милена проснулась, когда в комнате было уже светло. Её разбудили незнакомые голоса.

– Визит врача, – промелькнуло в мозгу. – Интересно, что он мне скажет?

Врач, психиатр фрау Перец, уже присела на стул около её кровати в ожидании исповеди пациентки, но так её и не услышала. Анализ крови показал большое количество принятого снотворного. Женщина не могла объяснить этого факта. Она утверждала, что не принимала снотворное и никогда его не принимает даже в незначительной дозе.

– Хорошо. Предположим, что вы это забыли, – улыбнулась ей фрау Перец необычно тёплой улыбкой. – Побудете несколько дней в нашей клинике, может, что и вспомните.

После ухода врача медсестра Илона предложила Милене пройтись по парку. Когда они присели на скамейку посреди цветущего розария, Милена подтвердила слова, сказанные врачу. Она никогда не принимает на ночь снотворное и понятия не имеет, что могло в тот вечер произойти. Сознание не подсказывало ответа. После разговора с пациенткой, Илона ещё больше укрепилась в мысли – помочь этой молодой женщине. Уж очень ей не понравился её самодовольный муж, который, кажется, позволил себе управлять чужой судьбой.

Фрау Перец, психиатр отделения, непосредственная начальница медсестры Илоны, имела большой опыт работы. «Наверное, поэтому, – подумала Илона, – после трёхдневного пребывания в больнице, эту молодую женщину выпишут под наблюдение участкового врача».

Может, так оно и было бы в действительности, но на этот раз Илона ошибалась. Фрау Перец приняла такое решение не только по причине понимания, что пациентка никогда больше такого проступка не совершит. У психиатра была другая причина её выписки, которую она никому не открыла бы даже под пытками.

«Вот оно – наказание, – в ужасе подумала фрау Перец, увидев во время обхода новую пациентку. Меня настигла божья кара в тот момент, когда я этого совсем не ожидала. Всё к одному. И любимый человек бросил, и память начинает давать сбои, и эта женщина... Я её знаю. Хорошо, что она меня тогда, много лет назад, не видела в родильном отделении, значит, не сможет обвинить. Муж её тоже хорош. Совсем обнаглел. Он-то почему её травит? Чем она ему дорогу перешла? Бывают же такие властители душ, которые распоряжаются ими по своему усмотрению. Его бы на место поставить, но, один раз переступив грань греха, в праведники не запишешься. Но всё же не буду идти у него на поводу. Может, всё как-нибудь и образуется».

После первого визита фрау Перец начала избегать встреч с пациенткой Миленой. «Как-то вину искупить перед ней надо, – думала она, но никак не могла найти подходящего способа и момента. – Помогут хоть тем, что не буду мешать ей жить, как этого хочет её муж. Долго ждать будет, чтобы я плясала под его дудку».

Предполагаемый диагноз женщины был всё же серьёзный – попытка суицида. Через несколько дней психиатр Перец вызвала Милену к себе в кабинет и в течение нескольких часов в присутствии ещё одного молодого психиатра проводила тесты на предмет здравомыслия. Всё было так, как она и предполагала. Женщина была совершенно вменяема, и оставаться

в клинике ей было не место. Психиатры составили соответствующий документ, и ещё через несколько дней Милену выписали из больницы с формулировкой «Здорова».

Илона помогла Милене через знакомых снять в одной из многоэтажек двухкомнатную квартиру, обставленную мебелью. Милена переехала туда сразу после выписки из больницы, даже не оповестив мужа Дитера о предстоящем событии. Ей ничего не нужно было от него кроме того, чтобы он забыл месяцы и годы их совместной жизни.

Женщины быстро подружились. Илоне необходимо было общение, и она была рада случаю помочь женщине, которая в ней нуждалась. Илона взяла на себя заботу и об устройстве Милены на работу. По профессии новая знакомая была воспитателем детского сада, но после получения диплома ни дня не проработала по специальности. Муж запретил ей и думать об этом, говорил, что женщина не создана для физического труда. Роль её – создавать домашний уют, встречать мужа с улыбкой на лице на пороге дома в любое время дня и ночи.

Однажды вечером Милена, находясь у Илоны в гостях, поделилась с ней сокровенным, о чём никому и никогда не рассказывала:

– У нас с Дитером несколько лет не было детей. Да, он и не хотел, чтобы они были, потому что нарушали бы его – святая святых – покой. Но всё же Бог сжалился надо мной, и я забеременела. Муж эта новость не привела в восторг. Он стал приходить позже, перестал мне оказывать внимание, не приносил цветы, подарки, отстранялся, неделями не разговаривал, а если и говорил, то о том, что я должна избавиться от ребёнка. Против его воли, я всё же выносила моё чадо. Но начались преждевременные роды. Я потеряла сознание. Позже узнала, что мне сделали «кесарево». Я долго не приходила в себя. А когда сознание вернуло меня на землю, я всё ещё слышала слова, долетавшие до меня, как сквозь ватное одеяло: «Верена, Верена, Верена...». Так я хотела назвать мою дочку. Об этом говорила и медсёстрам.

Очнувшись, увидела перед собой пожилую женщину, моющую в палате пол, а за стеной слышала крик младенца, разрывающий душу. Уверенная в том, что это плачет мой ребёнок, я вопросительно взглянула на женщину. Та, почему-то смахнув слезу со щеки, ответила полушёпотом на невысказанный вопрос: «Дочка у тебя». Я опять провалилась в беспамятство, а когда в очередной раз очнулась, рядом с кроватью сидел муж, который сообщил, что родившаяся дочь умерла, не прожив и дня, и что похороны, вернее, погребение, уже состоялось. Услышав эту весть, я вновь потеряла сознание, несколько дней находилась в коме. Так и до сих пор не знаю, где находится могилка моей дочери, и почему всё так произошло?

Илона искренне посочувствовала Милене, но многое из её рассказа показалось ей странным. «Почему погребение новорожденной состоялось так быстро? Почему Милене не показали могилу дочери? Да и вообще, – думала Илона, – история какая-то тёмная». Ей вспомнился муж Милены: «От него можно всего ожидать. Надо бы с этим разобраться?» В рассказе молодой женщины её многое насторожило, но она не стала говорить об этом вслух.

Чтобы отвлечь новую знакомую от грустных мыслей, Илона поведала ей правду о своей жизни: «В настоящее время живу одна. Приехала из столицы. Несколько лет назад уехала от мужа. Пятнадцать лет прожила с ним, казалось, без особых проблем, но и особых чувств не испытывала. Вышла замуж не по любви. Подруги все уже к тому времени связали себя узами брака, а мой суженый где-то затерялся, так и не появился на горизонте. А тут военный обратил на меня внимание. Внешне он был интересным: стройный, солдатской выправки, с шевелюрой тёмных курчавых волос, уверенный в себе. На первых порах он мне даже понравился. Мой отец после знакомства с ним оценил его положительно, а он понимал толк в людях. Как сейчас помню его слова: «С этим военным не пропадёшь, будешь жить как за каменной стеной». Поверила я ему. Доверилась военному. Шумную свадьбу сыграли. Через год Влад родился. Какая уж там любовь, одни заботы свалились как снег на голову. Переезды с места на место. Везде нужно было налаживать быт, некогда думать о личных желаниях и их осуществлении.

Так прошли годы. С того момента, как муж был уволен в запас по состоянию здоровья, он проводил много времени дома, стал жёстче, отдавал команды, словно младшему по званию, не замечал, что своим самоуверенным тоном делает больно. Стоило только выразить своё мнение, сразу получала новый приказ, замечание, требование. И всему этому не было конца. Он не признавал меня как личность, не слышал и не хотел слушать моё мнение. И не дай Бог сделать ему замечание. В конце концов мне надоело соглашаться с его решениями. Терпение закончилось. После очередной ссоры, в которой муж обвинил меня в неуважительном отношении к своей персоне, мысль уйти от него больше не оставляла в покое. А когда однажды с перекошенным от злобы лицом он кричал, что в последний день ему стакана воды никто не подаст, я уже больше не хотела его видеть. Всю жизнь ему посвятила, теперь уже на будущее претензии предъявлялись.

В тот год пришла к выводу, что изменить жизнь можно только уехав из семьи. Нужно было решать вопрос кардинально. Вот и уехала во Фрейбург, а сын в Берлине остался. Сейчас простить себе этого не могу. К тому же я здесь себя не нашла. До сих пор не чувствую себя дома. Порой приходят мысли, что причина нашего разрыва, возможно, не в муже, а во мне. Наверное, нужно было просто на время уехать от него, сделать паузу в отношениях. И вот сейчас осталась одна при своих интересах».

Глава шестая, в которой Пауль знакомится с Миленой

Пауль Грегер провёл этот вечер в одиночестве. Вчера он встретил в подъезде своего дома Илону, соседку с четвёртого этажа, в обществе молодой симпатичной блондинки. Полгода назад он расстался с женщиной, которая была намного старше его. Что скрывать, какое-то время ему было с ней интересно. Но однажды Пауль понял, что их отношения изжили себя. Когда в последний раз уходил от неё, оставил на столе ключи от квартиры и плотно закрыл за собой дверь. Таким образом поставил точку в их отношениях. Пауль понимал, что поступил, как мальчишка, но не хотел разборок, ссор, долгих нудных сцен прощания.

«Ушёл и ушёл, – думал он, когда оставался один на один со своими мыслями, – значит, так нужно было. Кто-то должен был сделать первым шаг, разрывающий этот ненадёжный союз двух людей, уставших друг от друга». Пауль никогда не впускал эту женщину в свой внутренний мир, хотя она и была по профессии психиатр с большим стажем. «Что тут скажешь? Надоели мне её нравоучения, рассказы о несостоявшихся судьбах. Тут хоть со своей бы разобратся».

С тех пор он жил один. Не заводил новых знакомств с женщинами. Много читал, особенно книги о прошлом своих предков. Практически он ничего не знал не только о своих дальних родственниках, но и о бабушках, дедушках, да и о своих родителях. Недавно прочитал, что если не знать своих прародителей, то можно лишиться поддержки рода, той силы, которая спасает жизнь. Необычное действие оказали на него слова: «Если у человека в жизни сложились плохие отношения с родителями, бабушками и дедушками, именно на этом месте блокируется поступление родовой энергии. Обиды, злость, ненависть не только препятствуют подпитке силы рода, но и трансформируют эту силу в негативную и разрушающую. Наверняка вы слышали о родовых проклятиях?»

Теперь Пауль по вечерам неоднократно прокручивал в мозгу мысль: «Оказывается, существует родовой канал, по которому родственники подпитывают нас энергией, даже если они уже умерли. Нужно налаживать с ними хорошие отношения, а если кого-то из них уже нет, нужно просить у них прощение, называя их по именам». В другое время Пауль принял бы эти рассуждения за бред. А сейчас думал о том, как изучить свою родословную, хотя бы поколений на семь вглубь истории. Ведь каждое из них отвечает за определённые аспекты в жизни человека: к примеру, второе поколение – формирует тело, здоровье, третье – отвечает за интеллект,

способности, таланты, пятое поколение – за безопасность, а седьмое – за страну, город, дом, в котором ты живёшь.

Из прочитанного Пауль понял для себя, что чтобы наладить отношения со своим родом, нужно прежде всего узнать имена родственников, попытаться выяснить, в каких местах они проживали, как сложились их судьбы.

«Может, удастся посетить места их захоронений, познакомиться пусть даже с дальними, но родными по крови людьми, проникнуться атмосферой тех далёких лет,» – часто думал Пауль бессонными ночами, проснувшись внезапно от очередного видения. А снилась ему всё та же старуха, к которой он пробирался через таёжные дебри уже не в первый раз.

Идея: отмолить грехи предков перед высшими силами, – не казалась ему уже бредовой и несбыточной: «В моих руках – спасти род от вымирания! Я обязан это сделать!» – эта мысль вселилась в него и не отпускала сознание. А с того момента, когда он увидел рядом с Илоной, соседкой по подъезду, миловидную девушку с добрыми глазами и чистым взглядом, Пауль Греггер понял, что в его жизни предстоят перемены, которые внесут в неё значительные изменения.

Мысли Пауля соприкоснулись с размышлениями медсестры Илоны, проживающей с ним в одном доме. Она давно заметила соседа с нижнего этажа, который отличался от её знакомых интеллигентной внешностью, внимательным взглядом, уверенной походкой, да и был одет всегда с иголочки: модно, опрятно и без претензий на вычурность.

В один из дней Илона записала в своём дневнике жизни: «Однажды, когда я возвращалась с работы домой, меня догнал сосед с нижнего этажа и предложил донести сумку до квартиры. В тот день не работал лифт, а я, не зная об этом, накупила продуктов, ожидая подругу Милену в гости. Сосед был очень предупредителен. Он спас меня от кошки, которая с диким воем пронеслась мимо, а потом, внимательно посмотрев в глаза, как бы раздумывая, можно ли доверить тайну, произнёс, смущённо улыбаясь:

– Извините, мы с Вами ещё незнакомы. Меня зовут Пауль Греггер. У меня к Вам нескромный вопрос: последнее время вижу Вас в обществе молодой интересной женщины. Мне очень хотелось бы узнать – одинока она или замужем? Не могли бы Вы меня с ней познакомить?

От удивления я остановилась, как вкопанная. Молодой человек как будто узнал о моих планах, которые я вынашивала уже не первый день относительно моей новой подруги. Очень уж мне хотелось отвлечь Милену от её грустных мыслей и познакомить её с каким-нибудь порядочным мужчиной её возраста без дурных привычек. И надо же? Как будто сосед по подъезду прочитал мои мысли? Но не до конца. Ведь он прежде всего мне понравился своей бросающейся в глаза внешностью. Ну, что ж, раз мне не судьба быть с ним, помогу подруге устроить её личную жизнь. Ведь всё равно он познакомится с Миленой, раз она запала ему в душу – не через меня, так как-нибудь по-другому. Милена только недавно вышла из трудного для неё состояния. Может, именно это знакомство поможет ей выйти из душевного кризиса? Чего не сделаешь ради подруги.

– Хорошо, – ответила я Паулю после небольшого раздумья. – Эту женщину, о которой Вы говорите, зовут Милена. Она – одинока и будет у меня сегодня в гостях. Попробую Вам помочь, что-нибудь придумаю. Я Вас попрошу выйти в семь часов вечера на лестничную площадку, а там посмотрим.

Мы попрощались с Паулем уже в дверях моей квартиры, договорившись обращаться друг к другу на «ты». Как только он ушёл, мои мысли заметались в поисках решения этой задачи. Мы, женщины, – народ непредсказуемый. И, как говорят мужчины, женская логика – отсутствие всякой логики. Сознание прокручивало различные варианты: А если Милену предупредить о знакомстве с Паулем? Кто знает, что тогда получится? Вдруг она ужаснётся, может быть, ещё не готова к такого рода событиям? Да, наверное, рано ещё таким образом решать её проблему. Но ведь мне знакомы от мамы и другие слова: клин – клином вышибают. Решила всё же помочь обоим, хотя авантюристкой по натуре не являюсь и стараюсь всегда подальше дер-

жаться от личностных отношений друзей. Попытка – не пытка. Может, что-нибудь полезное и выйдет из этой затеи?»

Милена, чтобы навестить Илону, вышла в тот вечер из дому пораньше. Она хотела ещё забежать в близлежащий магазин, купить торт. «Да и бутылку вина стоило бы прихватить, – подумала она. – Нам есть о чём поговорить с Илоной, что друг другу рассказать. Тем более, что завтра выходной, и можно будет подольше поспать утром».

Недалеко от своего дома Милена неожиданно встретила мужа. Дитер был с любовницей, дочерью друга отца, которая ему в дочери годилась. Милена давно охладела к нему, да и заявление на развод уже подали, но эта встреча была ещё одним ударом по её самолюбию. Первую реакцию – вернуться домой – сознание отмело. Не понимая, что делает, Милена бежала по улицам города. Ноги сами привели к дому подруги. Женщина машинально взглянула на часы: «Около семи... Илона, наверное, уже ждёт меня. Ну вот, опять не слава богу. Лифт не работает. Ничего, пойду пешком, как-нибудь поднимусь».

От чрезмерного возбуждения, она не могла ни о чём думать. На нижнем этаже прозвучал звук открываемой двери. Милена вздрогнула от неожиданности, и её нога соскользнула со ступеньки лестницы. Она пыталась ухватиться за перила, но потеряла равновесие. Не удержавшись на ногах, полетела вниз, успев лишь подумать: «Ещё минута, и всё...»

Но вдруг женщина почувствовала, как чьи-то сильные руки подхватили её, остановив полёт падающего тела. Она пришла в себя уже на руках у молодого мужчины, которого несколько раз когда-то где-то встречала.

– Ах, да, вы же живёте с Илоной в одном подъезде, – прошептала Милена, прижавшись к нему дрожащим телом, и потеряла сознание.

Когда Пауль, а это был именно он, внёс женщину в свою комнату, она неожиданно открыла глаза, улыбнулась ему доверчиво, как ребёнок, и попросила принести воды или горячего чая. Пауль осторожно положил её на диван, прикрыл пледом и поспешил на кухню, чтобы включить чайник. Когда он вернулся, она уже спала, раскинув руки в стороны и, как ребёнок, улыбаясь во сне. Присев на стул рядом с диваном, Пауль почувствовал прилив энергии и несвойственное ему чувство нежности к этой молодой женщине. Он не мог оторвать от неё взгляда. «Да, это она, та, единственная, которую я ждал всю жизнь, боялся, что уже не дождусь. Надо же!? Подарок, свалившийся прямо с небес. Это не могло произойти случайно. Таких случайностей не бывает».

Глядя на спящую женщину, Пауль поклялся:

– Я сделаю всё, чтобы он была счастливой.

Если бы ему задали вопрос: «Сколько раз ты так клялся в своей душе в течение не такой уж длинной жизни?» – он бы сразу не смог ответить. Он любил женщин. Они казались ему носителями волшебных мгновений из солнечного мира сказки. Но в какой-то момент чары волшебства разрушались. И тогда он видел возлюбленную без прикрас, в натуральной оболочке ограниченных жизненных стремлений, материальных интересов, планов на подавление его внутренней свободы. Он разочаровывался в своих красавицах так же быстро, как и влюблялся. И ничего с этим не мог поделать.

Почему-то Пауль вспомнил сейчас о другой женщине, с которой расстался не так давно, не попрощавшись.

«Почему я ушёл от неё? – на этот вопрос он не мог ответить сейчас даже самому себе. – Наверное, потому, что не чувствовал больше желания оставаться с ней наедине. Какая-то она странная стала. Жила в мире иллюзий. Не слышала даже моих вопросов, не то чтобы самой что-нибудь предпринять или удивить какими-нибудь идеями. Тоскливо и скучно стало с ней, да и старше она была по возрасту. Детей не хотела. Считала, что уже поздно. Может, в этом дело, а, может, и нет? Не стало точек соприкосновения? Да, пожалуй. Я, работая менеджером по вопросам оздоровительного питания, часто находился в командировках по обмену опытом

в других городах и странах. Её взять с собой не мог, да и желания у неё не было со мной ездить. Всё со своими психическими больными разбиралась, сама, кажется, находилась недалеко от нервного срыва. Месяц назад устроила спектакль:

– Отведи меня на чердак. Оттуда слышатся какие-то голоса, – потребовала крикливым голосом, когда я заглянул к ней совсем ненадолго после работы.

– Какой чердак? Ты же живёшь на первом этаже. Тогда уж говори, что в подвале кто-то воет.

– И оттуда кто-то постоянно зовёт, просит спасти... – прошептала в ответ.

Пауль в тот вечер не на шутку рассердился. Подумал, что она специально испытывает его терпение. Уходя, плотнее закрыл за собой дверь и больше не приходил к ней, почувствовав себя свободным от какого-то внутреннего давления. Он и по истечении времени был рад, что этот кошмар прекратился.

Глава седьмая о встрече, произошедшей в ресторане «Посейдон»

Прошла неделя. В один из вечеров Илона договорилась встретиться с фрау Перец в греческом ресторане «Посейдон». Женщины пришли туда почти одновременно. Посетителей в помещении было немного. Всё предвещало приятное проведение вечера. Официанты сновали между столиками, принимая заказы. Напитки уже были поданы. На этот раз женщины заказали себе по стакану апельсинового сока в ожидании горячего блюда. Тихая музыка располагала к беседе. В какой-то момент Илона призналась фрау Перец, что без её согласия пригласила сегодня в их дружеский круг подругу Милену, с которой часто проводит свободное время. Фрау Перец замерла от неожиданности, но так как возражать было уже поздно, промолчала.

В это время в дверях ресторана появилась Милена и помахала им своим голубым шарфиком, как она часто делала в знак приветствия. Илона заметила, что Милена не одна. Она сразу поняла, что рядом с ней находится сосед по подъезду, высокий светловолосый мужчина, с которым Милена познакомилась совсем недавно. Не в первый раз Илона подумала, что правильные черты лица позволяют причислить этого молодого человека к её соотечественникам, представителям славянской нации.

Подругам она пока не раскрывала тайну, что её родители – выходцы из российской глубинки. Они были вывезены в Германию ещё во время Второй мировой войны. Родители прижились на новой родине, пустили корни на севере страны, в небольшом населённом пункте недалеко от Берлина, где и прожили до глубокой старости. Там появилась на свет Илона, когда им было уже далеко за сорок. Находясь в пожилом возрасте, отец выразил желание посетить Россию, страну своего рождения. Тогда-то Илона и узнала, что корни её уходят в незнакомые сибирские края. К тому времени она работала медсестрой, была замужем. Несмотря на то, что сын, к которому чувствовала сильную привязанность, был ещё подростком, она вызвалась сопровождать отца в этой поездке.

К её удивлению, муж, на этот раз взяв на себя заботу о сыне, не стал чинить ей препятствия. Он был человеком хозяйственным, работал много, любил порядок в доме, был суровым и властным. Поездка в Россию открыла ей глаза на многое. Илона почувствовала там себя свободным человеком, а, вернувшись домой, больше не хотела слушать нравоучения мужа, жить его желаниями, выполнять его команды.

Прожив с ним ещё несколько лет под одной крышей, решила в мыслях на развод. Вскоре один за другим ушли из жизни её родители. Илону больше ничто не удерживало от выполнения задуманного. Сын Влад не смог принять это решение матери, не поддержал её, остался жить с отцом. К тому же в тот год он поступил на юридический факультет Берлинского университета и ближайшие шесть лет решил посвятить учёбе. Илона не стала его переубеж-

дать. Каждый имеет право на собственное решение – это стало её правилом, к которому она пришла в течение долгих лет, прожитых под одной крышей с мужем. Она переехала на юг Германии, в землю Баден-Вюртемберг, и вот уже несколько лет проживает здесь в сравнительном одиночестве, работая в клинике для психических больных.

Пока Илона витала мыслями в не таком уж далёком прошлом, Пауль Грегер с Миленой подошли ближе к столу. И тут только Илона заметила, как фрау Перец резко побледнела. Лицо её стало суше и жёстче. Оно неестественно вытянулось, морщины, которые никогда не бросались в глаза, резко обозначились и сразу состарили её лет на десять. Психиатр, умевшая держать себя в руках в любой обстановке, неожиданно для всех потеряла сознание. С опозданием бросилась Илона на помощь к своей шефине, которая уже не реагировала на её вопросы. Тело обмякло. Руки безвольно опустились вдоль тела.

«Этого ещё не хватало», – подумала Илона, и, уже вызвав машину скорой помощи, взглянула на Пауля. Тот стоял на том же месте, где находился раньше, но его бледное лицо выдавало высшую степень волнения.

Минут через десять врачи уже суетились около фрау Перец, безучастной ко всему, что делали с ней. Всем стало понятно, что карета скорой помощи увезет её с собой.

– В областную больницу, – скомандовал дежурный врач своему ассистенту, и машина умчалась, увозя женщину.

Оставшимся ничего не оставалось делать, как молча сесть за столик. Внимание посетителей переключилось на большой телевизионный экран, с которого диктор обращался к телезрителям с напоминанием о предстоящих выборах в Бундестаг. На экране мелькали лица политиков: Трамп, Путин, Меркель.

Тишину, установившуюся за столиком, неожиданно для женщин нарушил Пауль.

– Я знаю Доротею уже много лет, – внезапно произнёс Пауль.

Илона вздрогнула, когда Пауль назвал фрау Перец по имени. Как к врачу, к ней в отделении так никто и никогда не обращался, да и не принято это было. Очнувшись от своих мыслей, Илона прислушалась к словам Пауля, обращённым к подруге:

– Если бы ты, моя дорогая Милена, сказала мне, кто здесь будет, этой трагичной сцены могло бы и не быть, по крайней мере можно было бы избежать. Теперь об этом говорить уже поздно. Я расстался с Доротеей полгода назад. Да, моя милая Милена, это – именно та женщина, о которой я тебе рассказывал. Не ожидал я, что такой сильной будет её реакция на моё появление. Значит, она не до конца ещё пережила наше расставание. Что поделаешь? Жизнь есть жизнь. Такие встречи в ней имеют место быть. Простите меня, пожалуйста, что я испортил вам вечер.

Глава восьмая, в которой Пауль начинает брать у Илоны уроки русского языка

В один из вечеров, возвращаясь домой с работы и уже припарковав машину, Илона заметила, что Пауль тоже подъехал к стоянке. Когда он вышел из машины, она подошла к нему. Завязался непринуждённый разговор, который затронул тему, интересную для обоих.

– А ты случайно не из восточных немцев? – спросила Илона. – Что-то в твоей внешности напоминает мне местных из Берлина.

Пауль широко улыбнулся:

– Ты почти угадала. Правда, если быть до конца честным, мои прадеды проживали в таких краях, которые тебе и во сне не снились. Слышала когда-нибудь о сибирской тайге?

Илона чуть не подпрыгнула от неожиданности.

– Конечно, слышала. Ты не поверишь, Пауль, но мои родители родились в Сибири, и тебе я могу теперь признаться, что я там даже была более десяти лет назад. Сопровождала отца в его

поездке по родным местам. Уж очень он хотел в пожилом возрасте ещё раз ступить на землю, где прошли первые годы его жизни. Поездка оказалась удачной. Я тогда заинтересовалась историей моего клана. Родители много лет скрывали от меня, что сами родом из России. Мать даже была там учителем русского языка.

Пауль резко остановился. От избытка чувств, нахлынувших на него, обхватил её своими ручищами, приподнял, потом бережно опустил на землю.

– Такого не бывает! – промолвил он удивлённо и восторженно. – Бог посылает мне всё новых и новых людей, которые могут помочь в осуществлении задуманного. Илона, я признаюсь тебе тоже, что родился в России, в сибирских краях, а потом родители, по окончании службы отца в Берлине, остались в Германии на постоянное место жительства. Как им это удалось? Об этом не спрашивай. Сам не знаю. Отец вскоре умер, мать тогда слегла от горя, а недавно её не стало, ушла тихо, как и жила. Бабушка нам часто писала письма, приезжала в гости. Тогда в доме звучала русская речь. Но я, глупый, не понимал, почему они говорят с матерью на непонятном языке. Только после смерти бабушки, мать объяснила в чём дело и попросила меня обязательно совершить поездку в сибирские края, на мою родину. Там всё ещё проживает тётя отца – Ксения. Мать связывала эту поездку с какой-то семейной тайной.

– А что, если я тебе дам несколько уроков русского языка? – предложила Илона. – Три года его изучала. Мать настояла, да и подруги в Берлине были русскоязычными. Кое-чему от них научилась.

Сразу и договорились, что Пауль будет приходить к Илоне в свободное для обоих время и пройдёт под руководством Илоны начальный курс обучения русскому языку. Он чувствовал, что ему необходимо это сделать и именно сейчас. Изучение языка родителей, по его мнению, было уже первым шагом к осуществлению мечты матери.

На следующий день Пауль пришёл к Илоне ближе к вечеру. Несколько часов они просидели за столом, разбираясь в премудростях русского алфавита. Пауль чувствовал себя на седьмом небе от счастья. За один вечер он усвоил десяток букв. Через несколько дней уже читал по слогам: «Ма-ма мо-ет ра-му», «Па-па пи-шет ма-ме» – в «Букваре», который Илона специально для него купила в русском магазине. Пауль попросил Илону пока не рассказывать Милене об их занятиях. Хвалиться было ещё нечем, и, что скрывать, минуты творческого общения доставляли обоим удовольствие.

Но однажды случилось так, что Милена пришла к Паулю немного раньше назначенной встречи. Подойдя к его двери, она позвонила. В это время несколькими этажами выше послышался стук открываемой двери. Голос Пауля Милена узнала сразу. Он попрощался с Илоной. Поблагодарил её за что-то. Голос его был таким нежным, каким он разговаривал только с ней, Миленой. Женщина на мгновение замерла. Потом почувствовала боль в груди, и, не задерживаясь в подъезде, выскочила на улицу.

«Такое предательство, такое жуткое предательство... да, ещё со стороны обоих...».

Милена чувствовала себя униженной и убитой. Мимо проезжало такси. Остановив его, она назвала водителю свою улицу, номер дома. Дорога была недлинной. Расплатившись с водителем, женщина быстро поднялась по ступенькам в свою квартиру. Она успела ещё поклясться, что больше никогда никому и ни за что на свете не будет верить, и потеряла сознание.

Соседка, оказавшаяся случайно в это время на лестничной площадке, услышав какой-то странный стук, позвонила в дверь квартиры новой соседки. Она заметила Милену ещё выходящей из такси. Отметила тогда её неверную походку. На звонок в дверь – никто не отозвался. Женщина потянула её на себя, и – о, ужас! – новая соседка лежала на полу, а на её голубом шарфике была кровь. Для раздумий не было времени. Соседка Милены набрала номер телефона скорой помощи, дождалась появления машины. В больнице определили, что причина её падения в нарушении кровообращения.

Так закончился этот вечер для Милены. Илона узнала, что её подруга в больнице, только на другой вечер. Пауль в тот вечер так увлёкся изучением русского языка, что потерял счёт времени. Очнувшись, когда понял, что уже три часа ночи. Засыпая, подумал: «Почему-то Милена не пришла, а ведь обещала?» Он решил завтра непременно рассказать ей о том, что Илона обучает его русскому языку, и не только об этом. Наконец-то, Пауль решил открыть Милене семейную тайну. «Может, она поддержит моё решение – совершить поездку в Россию?» – подумал он, засыпая.

Милену продержали в больнице целых три дня. Пауль посещал её каждый день. Взял отпуск по месту работы и сидел, в прямом смысле слова, у её изголовья. Узнав, что он является причиной такого состояния женщины, которое могло привести к необратимым последствиям, Пауль просил у неё прощения, обещал никогда больше не предпринимать действий без её согласия. Он вымолил прощение Милены, но так и не посвятил её в свою тайну. Теперь не был уверен, что она его поймёт и сможет разделить часть забот, связанных с запланированной поездкой в Россию.

А Милена затаила обиду на любимого и решила проверить его и свои чувства. Через несколько дней, выписавшись из больницы, она уехала в деревню, куда всегда мечтала съездить. Это была Детская республика для детей, не имеющих родителей. Она всегда мечтала там поработать, но муж Дитер никогда бы не поддержал её в осуществлении этой мечты. Милене повезло. Её взяли на месячную практику, предоставив комнату в доме для персонала.

Всё здесь было для неё незнакомо, но интересно. На время она смогла уйти от своих грустных мыслей и решила какое-то время никому не сообщать, где находится. Своей новой подруге Илоне она теперь тоже не доверяла.

Прошла неделя. Илона работала в ночную смену. Днём отсыпалась. Физическая работа выбивала её из жизненной колеи. От усталости она не могла ни думать, ни действовать, ни общаться с подругами, что для неё было всегда очень важно. В первый выходной её разбудил телефонный звонок. Подняла трубку, назвала себя, и тут в комнату ворвался встревоженный голос Пауля:

– Илона, наверное, я разбудил тебя? Прости. Я бы не позволил себе так рано звонить тебе, но по вечерам ты не поднимаешь трубку. Понимаешь, Милена куда-то пропала, несколько дней ничего не знаю о ней. Она тоже не поднимает трубку. Вот, слава Богу, хоть твой голос услышал. Может, подскажешь, где можно её отыскать?

– Я – не в курсе, не имею понятия, где она, – ответила ему Илона. – Возможно, получила какое-нибудь сообщение и ей пришлось срочно уехать. Мне она ни о чём не говорила. Иногда невозможно понять, что движет людьми и почему? Особенно это касается женщин. Мы – народ странный. Но меня удивляет, что она даже мне весточки не оставила и тоже вчера вечером не ответила на звонок. Обещаю, что схожу к ней. Возможно, что она уже будет дома. Позже перезвоню тебе.

После звонка Пауля Илона не на шутку забеспокоилась. Через полчаса она уже звонила в квартиру Милены. Никто не отвечал, не подходил к двери. Тогда Илона постучала в соседнюю дверь. Ей сразу открыли, как будто ждали. Пожилая женщина с любопытством разглядывала Илону. – Я вас встречала несколько раз с моей соседкой в подъезде, – сказала она доверительно. – Вы, наверное, ищите эту молодую женщину, которая здесь проживает с недавнего времени? Я видела, как она несколько дней назад с чемоданом выходила из подъезда. Была очень взволнована, плакала, даже не поздоровалась, как будто не заметила. Такой я её ещё никогда не видела. Может, у неё что случилось?

На этом, к сожалению, сведения соседки заканчивались. Илона разволновалась не на шутку, но, не зная, куда обратиться, кого ещё спросить о Милене, решила подождать развития событий, о чём попросила и Пауля, позвонив ему сразу после того, как пришла домой.

Она не могла понять причину отъезда подруги и была недовольна тем, что та не даёт о себе знать.

Милена позвонила Илоне в тот же вечер, как будто почувствовала, что её разыскивают.

– Не ищите меня... Я решила отдохнуть от вас... Побуду одна, соберусь с мыслями. Передай привет Паулю. Так меня обмануть...

В этот момент связь прервалась. Слушая сбивчивую речь Милены, Илона не могла понять логики в её словах. «Каждый волен поступать, как хочет, – подумала она, – но Пауля я должна успокоить, сказать ему, что с ней ничего не случилось». Она набрала номер телефона Пауля. Тот сразу поднял трубку.

– Это ты, Илона? Есть новости? Удалось что-нибудь узнать?

– Да, кое-что прояснилось. Милена позвонила, просила не беспокоиться. Пока не знает, когда вернётся. Решила отдохнуть, побыть одна, привести мысли в порядок, успокоиться. Тебе от неё привет. Я не успела спросить, где она находится. Неожиданно прервалась связь.

Илона положила трубку, а про себя подумала: «Это похоже на бегство Милены от себя в никуда. Надо же? Даже причину своего отъезда не сообщила. Теперь хоть знаем, что жива, и то ладно. Вернётся, никуда не денется».

Пауль тоже внутренне успокоился, узнав, что Милена звонила Илоне. Он был реалистом, знал на основе своего опыта, что женщин понять трудно, и решил не впадать в панику, успокоиться, серьёзно заняться изучением русского языка и подготовкой к поездке в Сибирь.

В последующие дни Пауль был внешне спокоен, но отъезд Милены, который он считал бегством от него, заставил его задуматься. Интерес к выяснению своей родословной и желание разобраться в причинах вымирания рода не пропадали, но в его душе посеялись сомнения: «Стоит ли столько времени уделять теме родословной? – думал он теперь вечерами. – Вот и Милена уехала, видимо поняв, что меня занимает нечто, что может помешать семейному счастью? Не станет ли поиск исторических корней потерей времени и не мешает ли состояться карьере учёного?»

Руководитель по службе Вальдемар Деринг показал Паулю, как из результатов их совместной деятельности легко строится диссертация на соискание учёной степени кандидата наук, а затем и доктора наук. «Для достижения этого, как говорила мама, нужно только „чуть-чуть“ постараться». С руководителем Пауль имел доверительные отношения. Это был единственный человек, которому Пауль рассказал о своих планах поиска родовых корней. Вальдемар Деринг идею не поддержал: «Вместо того, чтобы мотаться по архивам, забивать голову историей давно ушедших предков, которые уже никуда не уйдут, занялись бы вы, господин Греггер, диссертательной темой, которая может сгореть, хотя бы потому, что те же результаты могут быть получены и нашими конкурентами. Вы, господин Греггер, должны понять, что Вам важнее: танцы или пение? Что вам важнее: прапрапрадеды или научные достижения и уважение в обществе? Вам решать».

«Да, только я один могу решить, что в таком случае для меня важнее. Но шеф не знает причину поисков моей родословной. Ему легко говорить, а у меня личное счастье от решения задачи зависит. Что для меня важнее: дальнейшее существование и развитие рода или личная карьера?» У Пауля было сильно развито чувство ответственности за принимаемые решения. Его обуревали сомнения: «Не подведу ли я свой коллектив, своих коллег? Правильную ли цель выбрал?»

После разговора с шефом он провёл беспокойную ночь. Часто просыпался, вспоминал остатки сна, а потом вновь засыпал, видя в новом сне ту самую старуху, которая часто ему виделась и прежде. Она манила рукой, держа в ней какой-то конверт. «Я должен её найти, – решил Пауль, проснувшись утром. Это для моей психики сейчас важнее, чем все научные степени мира».

Глава девятая, в которой Пауль совершает поездку в город Детмольд

На следующий день Пауль занялся поиском в интернете материалов, касающихся темы российских немцев. От матери он знал, что это – небольшая группа населения Германии, примерно в два миллиона человек. Среди них внуки и правнуки тех самых меннонитов, к которым и он относится по происхождению. Взгляд Пауля остановился на названии статьи «Музей истории культуры российских немцев в городе Детмольд». Сразу начал знакомиться с её содержанием. Из статьи узнал, что музей расположен в одной из немецких земель – Северный Рейн —Вестфалия. Долгие годы им руководит Катарина Нейфельд. Пауль решил не откладывать дело в долгий ящик и в ближайшее время совершить поездку в Детмольд, чего бы это ему ни стоило. Своими мыслями он поделился с Илоной. Её реакция превзошла ожидания.

– Ты знаешь, Пауль, а я ведь приглашена через неделю в Детмольд на семинар российско-немецких авторов, который должен состояться как раз в помещении этого музея.

– Что ты говоришь? Такое не бывает!

– Бывает ещё и не такое. Ты просто выполняешь миссию, предопределённую тебе небесами, поэтому все пути для тебя открываются по мановению волшебной палочки. Тебе при этом нужно только захотеть, сделать выбор, и все желания исполнятся.

– Твоими бы устами, – ответил ей Пауль по-русски фразой, которую от неё же узнал, занимаясь с ней же русским.

– Да, могло бы быть и лучше, если бы я поехала с тобой, но, к сожалению, не смогу отказаться от четырёх ночных смен.

С помощью Илоны Пауль связался по электронной почте с руководителем авторского объединения немцев из России. Понял, что в любом случае ему придётся до Детмольда добираться самому, а там он сможет войти в группу авторов, если ему это понадобится. Он приобрёл билеты на скорый поезд, правда, с тремя пересадками в городах: Оффенбурге, Франкфурте-на-Майне, в Алтенбеккене – и через неделю отправился в те края.

– Надо же, как судьба поворачивает, – думал он, находясь уже в поезде и глядя в окно, за которым мелькали великолепные осенние пейзажи, на некоторое время задержавшие его воображение.

Созерцая живописные места, он не мог отделаться от мысли, что неслучайно судьба подарила ему эти мгновения, помогла остаться на некоторое время с самим собой, погрузиться в размышления о прошлом, неотделимом от стран его рождения и проживания.

«Почему родственники так долго умалчивали факт моего рождения в России? Почему нельзя было с детства вложить в меня знание русского языка? Наверное, мама боялась, что я не захочу принять на себя груз их прошлого, прожитого вне страны, которая стала мне родиной? Может быть, они с бабушкой боялись, что я не захочу узнать и принять их правду о стране рождения? Кто знает, может, они думали, что, если я узнаю об этом, то это станет тормозом моего развития? Теперь уже не от кого получить ответы на прилетевшие ко мне из ниоткуда вопросы, но я ощущаю внутреннюю потребность понять, кто я, какого рода-племени, кто мои предки, что во мне от них по наследству осталось?»

Соседями Пауля по вагону были люди различных национальностей и разного цвета кожи. Они переговаривались друг с другом, по-видимому, на родных языках и наречиях. «А мать почему-то не говорила громко на русском языке, встречаясь со своими земляками в поездах, на улицах города, в магазинах, или в учреждениях, в комнатах ожидания для посетителей или на приёмах у врачей. Чего она боялась? Или страх так впитался в её сознание в России в пред- или послевоенные годы, что не отпускал и в последующие годы проживания в Германии? Ведь в депортации в Казахстане и в Сибири, куда российских немцев выселяли во время Второй

мировой войны семьями, их считали изгоями, фашистами, предателями, шпионами, одним словом, врагами советского народа только за то, что они по происхождению были немцами. А ведь я тоже родился в России. Так кто я теперь? Российский немец или немец по генам, вложенным в меня предками?»

Пауль откинулся на спинку сидения. Он ехал в вагоне второго класса. «Мать говорила, что мы остались в Германии людьми второго класса для местных немцев. Они не знают истории нашего малочисленного народа, который и сейчас не имеет покоя и в поисках душевного равновесия мечется по планете, воздвигая необжитые земли то в России, то в Австралии, в Мексике и в Парагвае, в Канаде и в Америке. Не обретя и там Родину, многие возвращаются на свою исконную родину в Германию или в Россию, живут и умирают там тем же непризнанным народом, которым были сто, двести, триста лет назад.

Народ в пути, так принято говорить о моих предках. Мать рассказывала, что существует землячество российских немцев. Годами оно добивается равноправия немцев из России с другими гражданами Германии, хотя бы в вопросах пенсионного обеспечения. Сама она получала только 60 процентов от размера пенсии, заработной в России, в сравнении с людьми, относящимися к немцам, проживающим здесь всегда.

Вопросы кружились в голове, но Пауль не пытался сейчас найти на них ответа. Он считал себя гражданином Германии. Германия – его родина. Это понятие вмещало для него всё: город, в котором он живёт, людей, с кем общается, воспоминания о школьных годах, о первой любви, о первых попытках профессионального становления. Он был доволен итогами прожитых лет и надеялся на успех в будущем. Пауль мечтал и о счастливой личной жизни, о семье и детях. «Зачем я пытаюсь разворошить осиное гнездо прошлого, найти в нём спрятанные тайны предков, раскопать их скелеты? Тени прошлого... Они молчат, а я хочу заставить их заговорить. Но кому это нужно, и что это даст мне?»

Пауль, продолжал вглядываться в удивительные пейзажи за окном, потом перевёл взгляд на своих попутчиков. «Нет. Я не сдамся. Мне нужно выполнить завещание матери. Я должен посетить родные места отца и найти ответы на вопросы: Почему вырождается наш род? Что нужно сделать для того, чтобы он продолжил своё существование?» Он вспомнил слова «ещё не вечер», которые в трудные минуты произносила мать. «Тогда они мне ни о чём не говорили, и я порой думал: «Причём тут вечер, если в семье, например, трудности, или денег нет, чтобы отправить меня с классом в поездку по родному краю, или когда после долгих лет учёбы маму не утвердили заведующей отделения, в котором она проработала много лет? Сейчас мне часто вспоминаются и другие её слова: «Ничего, сынок, всё устроится как-нибудь. Главное, чтобы мы понимали друг друга, а остальное – трын—трав». Какая «трав»? Почему «трын»? Этому мне никто и никогда не смог объяснить, даже бабушка, которая всегда понимала мать с полуслова».

Поезд, на котором Пауль уже подъезжал к станции Детмольд, остановился на каком-то полустанке. Последний раз проводник проверил наличие билетов. «Ну, что ж, пора покинуть этот состав». Девять часов езды привели Пауля к мысли, что он не зря совершает это путешествие. Невдалеке увидел автобусную остановку. В справочном бюро вокзала подсказали, на каком номере автобуса можно доехать до музея.

Двухэтажное здание музея, одной стороной примыкающее к зданию частной евангелической школы, Пауль увидел издали. Порог музея перешагнул с благоговением и внутренним чувством, что в этом помещении он найдёт путь к дальнейшей раскрутке спирали в стеклянном стакане. Теперь Пауль уже не помнил, откуда в его сознании такое сравнение, но оно помогло ему ощутить уверенность в правильности совершаемого им действия. Работники музея оказались людьми приятными в общении. Его привели в большой зал с экспонатами и на время оставили одного.

Здесь началось таинство. Позже Пауль расскажет Илоне об этом так: «В дороге в тот день я очень устал, и сознание начало выдавать картины, которые можно было увидеть только

во сне. С одного портрета на меня смотрел мужчина примерно пятидесятилетнего возраста. Он просил взглядом подойти к стене, на которой демонстрировалась различного рода одежда из прошлого. Воображение нарисовало пожилую женщину в одном из строгих в чёрную расцветку платьев. Казалось, она манила меня к себе. Потом указала на стенд, где крупными буквами было написано: „Колония Молочная“. Я знал, что именно там проживали мои предки, переехав по зову Екатерины II из Германии на Украину. Тогда я начал лихорадочно фотографировать всё, что видел перед глазами. Уже не думал о том, что скажут те, кто, может быть, наблюдает за мной со стороны или со стен, увешанных портретами».

Глава десятая, в которой Пауль делится с Илоной впечатлениями от поездки

Пауль позвонил Илоне сразу, как только вернулся из Детмольда.

– Илона, ты не можешь себе представить, какое приятное чувство я испытал, общаясь с твоими знакомыми, авторами Литературного объединения немцев из России.

– Так ты всё-таки с ними познакомился?

– Конечно. Я проживал с ними в одном отеле. Мы общались на немецком, но постоянно вокруг звучала и русская речь. Сразу познакомиться с тридцатью авторами, говорящими на двух языках, не каждому такое в жизни удаётся.

– А Артур Розенштерн? Ты его видел?

– Ты знаешь, Илона, в нём я узнал самого себя. Ведь он приехал в Германию из России тоже в малолетнем возрасте. Ты же сама знаешь, что он разговаривает в основном на немецком, хотя владеет и русским. Он автор книги «Планета Германия» на немецком языке. После того, как я с ним познакомился, непременно прочту эту книгу. Илона, приходи ко мне на кофе, я расскажу тебе обо всём, что увидел и узнал в музее. Думаю, это тебе тоже будет интересно.

Пауль не спросил у Илоны о Милене, надеясь, что она сама поделится с ним новостями. «Наверное, новостей нет, – подумал он, положив трубку. – Что же ты, Милена, так на меня разобиделась, ни видеть, ни слышать меня не хочешь?»

Пауль перебирал в памяти счастливые мгновения встреч с Миленой. Он помнил всё до мелочей, скучал по женщине, но никак не мог понять, что же так сильно растроило любимую, что заставило её убежать от него, не оставив возможности на дальнейшее примирение. Когда он думал о ней, становилось трудно дышать. «Сейчас придёт Илона. Мы поговорим о важном для меня деле, и станет легче воспринимать факт, что ты меня оставила. Не понимаю... Я же извинился перед тобой. Да и извиняться было не за что. За что же ты так со мной?»

Через час пришла Илона. И квартира наполнилась радостным смехом. Они пили кофе, заваренный хозяином. Разговор не прекращался ни на минуту. Пауль отметил про себя, что Илона его прекрасно понимает, проявляя искренний интерес ко всему, о чём он говорит.

– Илона, ты слышала когда-нибудь, что переезд немцев в Россию происходил с 900 года? Сначала перебрались туда миссионеры, торговцы, строители и учёные, картографы и врачи, шахтёры и люди искусства. О принцессах, которых выдавали замуж за русских царей – отдельный разговор.

– Да. Отец упоминал об этом в своих дневниках. Он писал о том, что его предки были из Катариненштадта...

– Да ты что?! В музее я как раз узнал, что эта немецкая колония в России была основана в 1766-ом году из немцев лютеран и католиков. Подожди минутку. Я где-то записал точные сведения. А, вот нашёл. Первых семей приехало туда 283, а к 1905-ому году – там было уже 12334 жителей немецкого происхождения. Можешь себе такое представить?

– С трудом. Отец что-то ещё говорил про Маркштадт.

– Так это тот же город Катариненштадт. Его переименовали в Маркштадт в 1914-ом году. В 1918-ом он стал столицей автономной Республики немцев Поволжья. К тому времени там уже было открыто пять начальных школ, одна семилетняя, пять библиотек, педагогический и торговый техникумы, музыкальная школа и ещё многое другое.

– Пауль, я сейчас подумала: отец был бы рад узнать, что его дочь заинтересовалась прошлым его народа.

– Да, Илона, я тоже часто думаю, что мои родители были бы этому рады. Я, наконец-то, узнал, что в архивах именно этого музея хранятся документы об истории немцев – меннонитов по вероисповеданию. Когда я там спросил у гида, где стенд, посвящённый им, он удивленно вскинул на меня глаза и ответил: «Так это же всё о них». Потом я спустился в библиотеку музея. Первое, что отметил – запах книг. Наверное, только старинные книги могут издавать такой, присущий только им, запах? Библиотекарь сказала мне, что шифр книг о меннонитах начинается с буквы «М», потом растолковала, что на разных полках стоят книги о меннонитах разных регионов России и других стран. Как я пожалел в тот вечер, что не могу остаться в этом городе ещё на пару дней, чтобы прочесть хоть часть этих книг.

– Я слышала, что книги из библиотеки музея можно выписывать по почте за небольшую плату.

– Да, что ты говоришь? Надо обязательно это сделать.

– А что ты узнал ещё о меннонитах нового?

– Если я правильно понял, как религиозное течение оно возникло в 16 веке в Голландии и в Северной Америке. Не зря мой отец говорил маме, что они из голландских немцев. В 18 веке его предки перебирались из Западной Пруссии на юг России. В основном это были бедные люди, которые добирались в Россию своим путём, на чём придётся, некоторые по морю, на пароходах. Тогда они переселялись целыми селениями. Прочитал на одном из стендов музея, что Григорий Потёмкин пообещал дать немцам земли на берегу Днепра. Я кое-что переписал себе со стендов музея, сделал много фотографий, перенёс всё сегодня в компьютер. Теперь точно знаю, что 228 семей поселились там в 1789-ом году. Поселение называли Хортица. Первоначально оно состояло из 18 деревень. Второе поселение было заложено в 1804-ом году и состояло из 56 деревень. Оно расположено на сто километров южнее Хортицы, на берегу реки Молочная.

– Извини, что прерываю. Недавно, читая биографические рассказы Роберта Лейнонена, российского немца, узнала, что его предки переселились из Германии в Россию после выхода Указа Екатерины II 1765 года, разрешающего создать немецкие колонии в Санкт-Петербурге. Я сделала себе запись об этом в дневнике. Вот, отыскала. Сразу в 1765-ом году из Пфальца, земель Гессен-Дармштадт, Вюртенберг и Бранденбург прибыло в Санкт-Петербург 110 семей, позже, в 1767-ом году – 67 семей немцев из Варшавы. До 1819 года в Санкт-Петербурге обособились 24 немецкие колонии. Не знаю, были ли среди них колонии меннонитов?

– Я этого тоже, к сожалению, пока не знаю.

Их беседа затянулась до полночи. После того, как Илона ушла, Пауль ещё долго не мог успокоиться. Он перечитывал статьи в интернете, рассматривал карту немецких поселений на реке Молочная. «Теперь уже нет сомнения, – думал он, – что скоро навещу места предков по отцовской линии. Пока только не решил, откуда и когда начну путешествие».

Глава одиннадцатая, которая помогает понять причину болезни фрау Перец

Фрау Перец, находясь в больнице, молчала, не проявляя никакого интереса к происходящему. Казалось, что она потеряла память. Высокая, стройная брюнетка, гордо подняв голову, ходила по отделению, никого не замечая вокруг. Этот процесс движения порой нельзя было

остановить. Она заходила в комнаты к лежащим больным, стояла возле них, напряжённо всматриваясь в лица, как будто пыталась что-то вспомнить. Могла бессмысленно бродить по коридору или часами лежать в комнате без движения. Врачи не могли найти к ней подхода и оставляли в покое, в надежде, что всё образуется, и память, если она действительно потеряна, вернётся к ней снова. По мнению психиатра, который работал с ней в одном отделении в течение многих лет, «коллеге нужен только покой и непредвиденный случай, который вызовет взрыв эмоций, поможет вернуться в реальность».

Жизнь продолжалась, но уже, казалось бы, без Доротеи Перец. Только ночью она была той, которая знала о себе всё, понимала, что произошедшее с ней несколько дней назад – не случай, а закономерное наказание за грех, который она совершила однажды. «Расплата пришла. И хорошо, что я получила по заслугам в этой жизни, а не после того, как ушла из неё и предстала перед Вершителем Судеб,» – думала она, перебирая в памяти всё, что произошло в ту роковую ночь. Вероятно, именно эта мысль о возмездии помогала ей переносить повседневную суету в отделении.

Её коллеги не знали, что в течение многих лет каждую ночь она видела во сне маленького ребёнка, кричащее живое существо, которое с её молчаливого согласия взяли у молодой роженицы. За большие деньги были тогда подкуплены несколько акушеров и она, врач Доротея Перец, которая в тот момент оказалась свидетельницей этой жестокой сцены. Единственно, что успокаивало фрау Перец, это то, что роженица, будучи без сознания во время родов, поверила позже сообщению мужа о смерти ребёнка, как будто прожившего всего несколько часов после рождения.

Ещё в момент поступления Милены в их психиатрическое отделение, фрау Перец узнала в ней ту женщину, у которой много лет назад по желанию мужа и с молчаливого согласия работников отделения отняли ребёнка, девочку, которая была совершенно здоровой. Психиатр Перец дала позже и согласие на удочерение девочки людьми, которые увезли её из страны. Тогда ей казалось, что так следы преступления будут замечены.

Но судьба распорядилась иначе: та роженица вновь оказалась её пациенткой. Всё в жизни возвращается на круги своя. Душевной пыткой стало для Доротеи Перец нахождение рядом с женщиной по имени Милена, которая появилась недавно в её отделении из прошлого, поэтому она постаралась поскорей избавиться от её присутствия и делала всё, чтобы выписать пациентку из больницы. Она не сомневалась, что эта больная совершенно здорова, и заявление её мужа, знакомого ей по прежнему делу, не имеет под собой никакого реального основания.

«Оказывается, слова о муках совести, – думала она теперь, – тоже имеют под собой основу. Они разъедают меня изнутри уже с момента совершения преступления. Да, я не убила, но, отняв у матери дочь, а у дочери мать, нанесла им обоим раны, которую не смыть покаянием. Ведь я не знаю точно, в чьи руки отдали девочку? Как сложилась её судьба? Прошло более пятнадцати лет с того момента и надо же – прошлое вернулось».

Фрау Перец, понимала, что это возмездие за совершённый ею в молодости проступок, но не пыталась покаянием исправить содеянное. Больше божьей кары она боялась правосудия на земле. Она не хотела попасть при жизни в число преступников, которых по этим временам и так в мире хватало. «Меня не смогут притянуть к ответу. Столько лет прошло. Я сама уже себя наказала. Знаю теперь, что муки совести – это не выдумка высоконравственных персон».

И вот тогда, в греческом ресторане, куда они зашли с медсестрой Илоной, чтобы провести субботний вечер, она увидела вновь эту милостивую женщину, да ещё в обществе своего бывшего молодого мужчины Пауля, который недавно с ней расстался, ушёл, бросил, не объяснив причину и не позвонив. Он просто однажды закрыл за собой дверь и оставил её наедине с собой в жутком одиночестве.

Теперь, находясь в неврологическом отделении больницы, не разговаривая ни с кем, ни с врачами, ни с пациентами, психиатр Доротея Перец большую часть времени проводила

в постели, прокручивая в сознании свою жизнь, картину за картиной, вперёд и назад, пытаюсь осознать, в какой момент её жизнь сошла с правильного пути. «Нет, я ни за что на свете не признаюсь. Меня могут тогда дисквалифицировать, уволить с работы. На это я не пойду. Пусть всё останется так, как есть. Если не скажу, никто и не узнает. А я – не скажу. Долго им придётся ждать, чтобы услышать правду». Фрау Перец проводила длинные ночи в душевных пытках, а по утрам совершала «обход больных» в отделении. Многолетний опыт подсказывал ей необходимые слова и действия. Порой она задерживалась у пациента в комнате, садилась рядом на стул, спрашивала о признаках болезни. И даже если больной не мог ей ответить, а это случалось почти всегда, она выходила из комнаты просветлённая, с сознанием выполненного долга.

Медсестра Илона часто навещала Доротею Перец в её комнате во время трудового дня и в свободное от работы время, пытаюсь понять, что с ней происходит, но ей трудно было достучаться до её светлого начала, чтобы хоть на мгновение приоткрыть тайну души. Тёмный мир не отпускал фрау Перец из своих цепких рук. Говорят, стоит только впустить заразу, и она захватит душевное пространство. Она, тёмная сила, постепенно отвоёвывает в душах себе место, потихоньку создаёт плацдарм, заполняя его тёмными мыслями и уводя в пространство зла, находящееся недалеко от вместилища ада.

Глава двенадцатая, повествующая о возвращении Милены в город, и о том, как она отреагировала на предложение Пауля поехать в Сибирь

Через месяц после того, как Милена уехала в детскую республику, она возвратилась обратно. Внутренние силы вернулись к ней. Она поняла, что совершила ошибку, уехав и оставив друзей в неизвестности, почему она это сделала. «Ведь Пауль объяснил мне всё, – думала она теперь, оставаясь наедине со своими мыслями. – Зачем нужно было его ещё наказывать за несуществующую вину?»

Когда время, оговорённое в договоре по практике в воспитательном учреждении, закончилось, Милена не стала его продлевать. Она собрала вещи и отправилась домой в надежде, что Пауль её ещё любит и ждёт.

Пауль, действительно, был рад, что она вернулась, сделал вид, что ничего не произошло, что её поездка в деревню была необходимостью. Но как-то пусто стало у него на душе, куда-то исчезла музыка, звучавшая в ней при виде этой женщины. Казалось бы, всё встало на свои места, но возникло ощущение тревоги. Мозг постоянно сверлил вопрос: «Прав ли я в своём решении выбрать её спутницей жизни?» Чтобы не копаться в душевных переживаниях и сомнениях, Пауль сделал Милене официальное предложение выйти за него замуж. Она согласилась. Регистрация брака должна была состояться через месяц.

Однажды утром, проснувшись раньше обычного, Пауль, глядя на Милену, тихо посапывающую на его плече, подумал: «Пора всё же рассказать ей о том, что меня мучает уже много лет. Теперь всё зависит от меня. Я не имею права сдаваться, прятаться за мысли о множестве повседневных дел. Нужно, наконец-то, отбросить сомнения, терзающие душу, и собираться в дорогу». После их недавней размолвки, он уже не совсем был уверен, что Милена поддержит его решение – поехать в дальние края. «Да, она, конечно, любит меня, но последует ли за мной на край света – в этом я почему-то теперь сомневаюсь».

Когда Милена проснулась, то не узнала своего Пауля. Всегда спокойный и даже порой нерешительный, он преобразился. С беспокойством следила Милена за его метаниями по комнате, не решаясь спросить, что заставило его так рано подняться в их общий выходной. «Что он надумал? Ведь они так долго ждали этого дня и планировали провести вместе время». Пауль, заметив, что Милена не спит, присел на край её кровати, пристально посмотрел в глаза, словно

хотел спросить: «Ты – со мной?» Увидев в них, по-видимому, то, что искал, нежно поцеловал её и, минуто помедлив, выпалил, как давно продуманное:

– Милена, мы уезжаем. Я уверен, что ты поддержишь мою идею.

Глаза Пауля горели. Решимость, с которой он начал говорить, сразу настроила женщину на серьёзный лад. Почувствовав, что Милена готова его выслушать, Пауль, словно оттолкнувшись от берега, начал своё повествование:

– Понимаешь, дорогая, мне нужно посетить родину, тот кусочек земли, где прошла большая часть жизни моих родителей и где я родился. Мать перед смертью просила меня об этом. Это была не просто просьба старого человека. Что-то стоит за её словами, какая-то тайна, разгадку которой она сама не знала. Как занозой вонзились ей в память слова матери, моей бабушки: «Все концы спрятаны в сибирских краях. Моя надежда на Пауля. Он может и должен разгадать тайну рода. Больше надеяться не на кого». Дорогая Милена, я должен выполнить просьбу родных. Вот сейчас хочу спросить у тебя: Поедешь ли ты со мной? Уверен, что там нам обоим будет на что посмотреть. По моим представлениям, Сибирь – дикий край с первозданной природой и старинными обычаями. Один раз в жизни можно и нам с тобой окунуться в таёжную глушь, чтобы понять, что такое цивилизация.

Пауль уже почти бегал по комнате. Движения его стали решительными. Он весь собрался, сжался в пружину, и Милена поняла, что остановить разбег его мыслей, готовых превратиться в немедленные действия, уже невозможно. Она вскочила с кровати, бросилась к нему, обняла. Прижавшись всем телом, ощутив дрожь его тела, переполненного эмоциями, подняв на него глаза, сказала тихо, но обнадеживающе:

– О чём разговор, милый! Конечно же, мы едем в эту твою таёжную глубинку. Уже сегодня представляю, как нам там будет интересно.

В душе у Пауля зазвенела струна, до этого ему незнакомая, волнующая и переполняющая его существо.

– Неужели я романтик по натуре? – возникла на мгновение мысль, но тут же улетучилась, как будто её и не было. – Какая разница! Главное – появилась надежда, что и этой мечте суждено сбыться.

Потом они долго говорили о предстоящей поездке, обнявшись и соединившись мыслями и чувствами в единое целое.

Глава тринадцатая о том, что думает и как ведёт себя психиатр Перец, находясь в больнице

Фрау Перец стояла посреди комнаты с закрытыми глазами. В последнее время такое случилось с ней часто. В такие минуты никто не пытался с ней заговорить. Даже врач оставлял больную в покое. А ей никого и не хотелось слышать. Она, как психиатр, понимала, что депрессия стучится в душу, которую с каждым днём всё больше и больше заволакивает тучами. «Где-то я прочитала, что когда душу охватывает мрак и отчаяние уже на пределе, Бог, в облике другого человека, приходит на помощь, – размышляла она ночами, не решаясь обратиться к Господу с молитвой. – Не простит он меня. Надо сначала найти ребёнка, просить у Милены прощение, а потом уже и перед Богом замаливать грехи». Мысли крутились вокруг понимания вины, но расстояние от осознания вины до действия, которое поможет смыть позор, казалось непреодолимым.

Находясь в больнице, фрау Перец чувствовала себя немощной старухой, на которую свалилось множество забот. «Мне нужно решать, что делать, как жить дальше, как очистить душу? Ведь, если Бог поставил меня в эту ситуацию, значит выбор делать нужно самой. Видимо, моя душа настолько темна, что Всевышний вынужден действовать через других, посылая мне знаки и ответы, но я глуха к ним. Я всю жизнь старалась ничего не видеть и не слышать вокруг себя.

И вот ведь настиг меня Его голос. Если рассказать этим врачам-эскулапам, что я слышу Его по ночам в снах и днём, находясь наедине с собой в этой комнате, то они примут меня за сумасшедшую и навсегда поместят в психиатрическую клинику. Ведь я прекрасно знаю, как это происходит. Боже, дай мне ответ на этот вопрос. Дай мне знак, как жить дальше? Что изменить в жизни? Как изменить себя?»

Громкий стук в дверь прервал её размышления. Голос медсестры нарушил тишину комнаты:

– Фрау Перец, вас пришли навестить. Нужно Ваше разрешение на посещение. Вы согласны?

«Кто это может быть? Кому я ещё в этом мире нужна? Отказать? А, может, это тот единственный случай? Может, это ответ на мой невысказанный вопрос?» – подумала фрау Перец и крикнула что есть силы:

– Да, да, я согласна, пусть войдут, – и, рукавом халата вытирая слёзы, ещё раз прокричала нетерпеливо, – разрешите им войти!

Фрау Перец начинала нервничать. В любой момент она могла сорваться на истеричный крик, что могло закончиться непредуманными действиями. Но двери распахнулись, и в их свете она увидела Илону и – кого меньше всего ожидала – Милену, о которой думала последние дни, не уставая от своих мыслей.

Внезапно, к удивлению всех, из глаз фрау Перец полились слёзы. Холодными горошинами они катились по лицу, и их бег невозможно было остановить. Доротее Перец всегда думала, что не умеет плакать. «Да, и не плачу я вовсе». А слёзы лились и лились, не переставая. Их солёный привкус чувствовался на губах. Она никогда не думала, что слёзы действительно такие солёные.

Илона, казалось, понявшая состояние старшей подруги, бросилась к ней на шею и расплакалась. Они стояли молча, как две поникшие на ветру берёзки, прижавшиеся друг к другу, понимающие, что ещё живы и хотят остаться на земле, а не быть с корнями, вырванными отсюда. Эту сцену наблюдала, находясь у двери, Милену. Испытывая чувство сострадания, она не знала, что ей предпринять: «Уйти или остаться? Попытаться успокоить обеих? А, может, присесть на стул и просто дожидаться исхода сцены, свидетелем которой я невольно оказалась?»

Первой пришла в себя фрау Перец. Она выпустила Илону из объятий и, взглядом прося прощение за невольное выражение чувств, предложила ей сесть на краешек кровати. Вспомнив о Милене, всё ещё стоявшей у двери, показала на стул, единственный в комнате. Сама же лихорадочно думала о том, как ей поступить дальше. «Всевышний создал ситуацию, поставил меня перед выбором. Мне нужно сейчас решать – воспользоваться этой ситуацией или нет? Может, такого случая больше не представится? Что значит решать? Сказать правду, или в очередной раз промолчать, расширив в душе пространство для проникновения тёмной силы?»

В наступившей тишине ей вдруг послышался внутренний голос, который нащёптывал:

– Промолчи, никто же не знает о твоём давнишнем проступке. Молчи. Не думай и молчи. Заставь себя молчать!

– Нет, на этот раз я тебе не уступлю. Не хочу. Не могу больше молчать. Отстань! Отвяжись! Уйди! Выйди из меня! Не мучь! – кричала её душа в ответ.

И вдруг, как с неба, снизошёл другой голос, светлый и чистый, похожий на родной, материнский. Доротее казалось, что она уже не помнит голос матери, ведь слышала-то его только в младенчестве, когда мать напевала ей колыбельные песни.

– На всё воля Божья. Вверься Владыке нашему. Твоё спасение только в очищении души. Слезами оно началось сейчас. Не бойся. Прими всё, что Отец наш тебе посылает. Учись слышать и видеть его знаки. Если сделаешь для себя правильный выбор, то найдёшь и путь к очищению души...

В этот момент резко зазвонил телефон Милены, нарушив тишину комнаты. В волнении женщина нажала сразу на несколько кнопок, включив тем самым полную громкость. Внезапно в комнате раздался встревоженный голос Пауля:

– Милена, золотко моё, мы ведь договорились встретиться с тобой в кафе недалеко от моей работы. Я уже здесь...

Милена, понимая, что слова Пауля не к месту, перебила его:

– Дорогой, прости мою забывчивость. Через минут двадцать я приеду к тебе.

В этот момент послышалось какое-то странное шипение. Милена и Илона одновременно взглянули на фрау Перец. Её лицо жутко преобразилось. Перед ними был совершенно другой человек, да и можно ли было назвать то, что они видели – человеком? Лицо фрау Перец вытянулось и напоминало собой форму перца. Зауженная верхняя часть головы с волосами, стоящими дыбом, нельзя было назвать даже париком. Глаза метали молнии, сверкали гневом. Грудь высоко вздымалась. Прерывистое дыхание выдавало высшую степень гнева.

Подруги в ужасе вскочили со своих мест. В руках Доротеи Перец оказалась приличных размеров стеклянная ваза для цветов. Милена вовремя успела увернуться. Илона пыталась схватить фрау Перец за руки, остановить её. Но, Боже, в женщине оказалось столько неожиданной силы, что уже торшер с крепкой бетонной подставкой летел в сторону Милены, к счастью, пролетев мимо. Его основание, коснувшись пола, разлетелось на куски.

Илона нажала на кнопку вызова помощи. Через минуту в комнату вбежали два санитар. Один обхватил тело фрау Перец сзади, но она вырвалась. В следующую минуту впиалась нестриженными ногтями в лицо другого санитар. Тот закричал от боли, и, защищаясь, оттолкнул больную от себя, закрыв лицо руками. В следующее мгновение она уже хлестала полотенцем по лицу первого санитар, кусалась, царапалась. А затем, оттолкнувшись ногами от пола и на минуту повиснув на руках санитар, выбила оконное стекло и чуть не утянула его за собой в пролёт окна.

Илона, не потеряв самообладания, нажала сразу на несколько кнопок звонка. Сработала сигнализация срочной помощи. Разъярённую львицу невозможно было остановить. В порыве гнева она была невменяемой. Милена, почти парализованная от страха, в испуге застыла посреди комнаты, не зная, что делать дальше. В этот момент в комнату вбежал ещё один санитар, а вслед за ним ворвался широкоплечий высокий мужчина, напоминающий внешностью дикого орангутанга. Он кинулся к разъярённой фрау Перец. Та в ужасе швырнула в него стул. Мужчина увернулся, а затем, схватив её огромными ручищами, притянул к себе и впился губами в её губы. Через несколько минут, не общая внимание на крики, сумасшедший выскочил со своей добычей из комнаты. В коридоре послышался шум, стук падающих предметов, громкие голоса, потом всё стихло.

Находящиеся в комнате ещё пребывали в состоянии шока, когда дверь комнаты распахнулась, и в неё вошла медсестра, нарушив тишину спокойным приятным голосом: «У вас здесь всё в порядке? Слава Богу, пациентку тоже спасли. Разбитое стекло к вечеру вставят, я уже позвонила. Да, а говорили, что эта пациентка – ангел. Ангел-то, может быть, и ангел, но нечистая сила в ней хорошо устроилась. Вряд ли возможно её изгнать из этого тела. Какая сила, какая мощь! Здесь и смирительные ремни не помогут».

В коридоре ещё видны были следы борьбы: перевёрнутые стулья валялись ножками вверх, осколки стекла от разбитых шкафов с книгами ещё не убраны, трубка от настольного телефона с концом оторванного шнура валялась недалеко от входных дверей, а столик, на котором когда-то стоял телефон, напоминал груды, состоящую из отдельных частей. Ножки его выглядывали из-под дивана, на котором расположился грузный мужчина средних лет, который, выговаривая по слогам слова, пытался читать с чистого листа ватмана.

«Всё, как всегда, – подумала Илона. – Давно руководительнице отделения говорили, что не нужно загромождать проходы лишней мебелью, но ведь у неё мания уюта. Всё пытается

создать его в этой казённой обстановке. Когда своей семьи нет, а хочется её иметь, случаются такие несоответствия. Хорошо, что хоть пациенты не пострадали. А наш с Миленой невольный спаситель, дикий пациент, ворвавшийся своевременно в комнату, конечно, уже заперт на ключ в своей комнате. Получив успокаивающий укол, он скоро заснёт. Не сомневаюсь, что это из его комнаты раздаются сейчас рычание, шум и стук кровати, которой он гремит по стене».

Илоне вспомнилось, как несколько лет назад, одна из пациенток, проживавшая как раз в этой комнате, в течение одного дня выбила три дверных замка, чем установила рекорд в отделении. Позже Илона напишет в своём дневнике: «Ведь это дом для тех, кто имеет ограничения психического развития. Почти каждый из больных проживёт здесь до последних дней жизни. Жаль фрау Перец, но нельзя допустить, чтобы она осталась здесь навсегда. Ей нужно помочь, но как?»

Глава четырнадцатая, в которой рассказывается о посещении Паулем и Миленой посёлка на берегу Ангары

Оформление документов для поездки в Россию у Пауля с Миленой прошло без проблем, но потребовало определённого времени для открытия визы. Так как у них не было приглашения для посещения страны, они оформили туристическую. Для этого не понадобилось срочное замужество. По обоюдному согласию решили отложить это важное событие на время, когда вернутся из поездки домой. Визу открыли на месяц. За этот срок, по мнению Пауля, он успеет решить свои дела в сибирских краях. С какой стороны и как начинать поиски того, что искал, он не имел никакого представления. Но у него было письмо, адресованное Ксении Грегер, тётке отца Пауля. Мать отдала его Паулю незадолго до своей смерти.

Через несколько недель молодая пара уже совершала перелёт из Франкфурта-на-Майне в сибирский город Красноярск. Теперь им никто не мог помешать: ни бывший муж Милены – Дитер, ни Доротея Перец, бывшая возлюбленная Пауля, которые, по мнению обоих, были ещё на многое способны, чтобы сохранить то, что когда-то им принадлежало. Пауль словно освободился от груза, давившего камнем на сердце, раскрепостился и, как говорится, с чистого листа начал путь на свою исконную родину, в страну предков. Он как будто даже стал выше ростом, и вечно сутулившиеся плечи – расправились. Улыбка не сходила с его лица, а глаза стали светлее и голубизна их ярче. Милена, как в зеркале, видела в них своё отражение и была рада этим его превращениям, происходящим на глазах.

«Вперёд, только вперёд, – выводила её душа. – Ни мгновения не думать о том, что есть, что было, что ожидает впереди. Пауль заражает меня всё больше и больше своим оптимизмом. Надеюсь, что всё будет хорошо. Главное, что мы с ним понимаем друг друга, поддерживаем, становимся опорой один другому».

Шесть часов полёта сблизили их ещё больше. Теперь они находились как будто в другом измерении. На борту самолёта звучала непонятная обоим речь. Милена не знала, что творилось в душе Пауля, и просто радовалась его открытому выражению лица и рукам, нежным и властным, помогающим забыться во власти неизведанных чувств.

– Пристегнуть ремни, – как из тумана раздался голос стюардессы. Через несколько минут самолёт приземлится в аэропорту города Красноярска.

– Внимание! Просьба отключить электронные устройства.

Ребёнок на соседнем за ними сидении заливался громким плачем. Перепады давления давали себя знать. Приземлились в аэропорту большого города. Но это было только начало пути. Никто их здесь не встречал, никто ведь и не знал, что Пауль вернулся на родину, землю родителей, а, может, и прародителей.

«Надо было изучить генеалогическое дерево и получше подготовиться к поездке, – подумал он мимоходом. – Хорошо, что погода сегодня лётная».

Размышлять не было времени. Часа через два им предстояло продолжить путешествие на небольшом самолёте «Як-40». Атмосфера в аэропорту была спокойная – никаких непредвиденных происшествий. Милене и Паулю повезло: парень, сидевший рядом с ними на скамейке в аэропорту, знал несколько слов и выражений на немецком. Он оказался разговорчивым, пытался завязать с ними беседу. Узнав, что они – иностранцы и впервые в этих краях, помог им понять диктора, объявившего посадку на самолёт до посёлка Кежма. И вот они опять в воздухе. Всё идёт по плану.

Но оказалось, что и это ещё не был конец пути. После посадки на одном из небольших аэродромов, они пересели ещё в один, теперь уже совсем маленький самолёт со словами «Аэрофлот СССР» на фюзеляже. Пассажиров в нём – двенадцать человек. Качка в воздухе похлеще, чем на море. «Когда же прекратятся эти мучения? – подумала Милена, уже начиная слегка раздражаться. – Ни конца, ни края всему этому не видно».

Теперь только она начала понимать в какую авантюру ввязалась. Возникло предчувствие, что поездка будет не из лёгких. Хорошо, что хоть присутствие Пауля придавало уверенность, иначе бы она уже запаниковала. Не каждый сможет выдержать такие перегрузки. Они ведь действовали на неё не только физически, но и в психическом плане.

– Милый, а сколько нам ещё лететь осталось? – спросила она своего друга, когда предел внутренних сил был на грани возможностей.

– Мужайся, милая, – ответил Пауль. – Как у них здесь в песне поётся: «Ещё немного, ещё чуть-чуть».

По словам матери, это была любимая присказка его отца. Мать произносила эти слова, когда в семье происходили какие-нибудь неприятности. С годами фраза забылись, а вот теперь всплыла в памяти, как и лицо отца. Пауль знал его по фотографиям из семейного альбома. На них отец всегда задумчив. Да и понятно почему. Ведь он был директором большой фирмы, которая претерпела крах в последние годы его жизни.

«Может, это и явилось причиной смерти отца? – внезапно проскользнуло в сознании Пауля. – А как иначе можно объяснить тот факт, что полный физических сил мужчина в расцвете сил внезапно умирает? Врачи сказали тогда матери, что отец умер от кровоизлияния в мозг. В тридцатичетырёхлетнем возрасте у него оказалось надорванное сердце. При обследовании было установлено множество микроинфарктов. По словам матери, отец никогда не жаловался на лишения или тяготы прошлой жизни, но независимо от этого его век оказался коротким. За три месяца до моего рождения, отец умер в салоне междугороднего автобуса, когда возвращался домой из очередной поездки в областной центр. Почему он туда ездил? Что от него там хотели властители душ? О чём он думал, когда возвращался поздно вечером из своей поездки? Об этом уже никому не суждено было узнать: ни матери, ни жене, ни сестре, ни детям. Но вот тётя Ксения, сестра матери отца, может, она что-нибудь знает об их семейной тайне? Она до сих пор проживает в таёжных краях, где-то здесь рядом. К ней сейчас и еду в надежде узнать что-нибудь о судьбе моего рода. Но даже то, что я уже прочувствовал, пролетая над этой необъятной страной, достаточно для того, чтобы поездка оправдала ожидания».

Внезапно самолёт резко накренился. Пауль очнулся от мыслей. В салоне стояла, как ему показалась, мёртвая тишина. «Боже, я совсем забыл, что рядом находится живое существо, совершенно незнакомое с моим прошлым и этими, нахлынувшими на меня мыслями, ощущениями. Какой же я эгоист! Ведь ей, моей милой Милене, сейчас хуже, чем мне. Как она выдерживает атмосферу этого незнакомого мира?»

– Золотко, как ты себя чувствуешь? Всё ли в порядке? Прости, что подолгу молчу. Я во власти воспоминаний. Они накрыли меня с головой. Никогда не думал, что буду так переживать. А что будет дальше? Мне это тоже неизвестно. Как встретит нас новый мир? Жив ли ещё кто-нибудь из моих родных? Найдём ли мы ключик к маминым словам?

– Не волнуйся, дорогой. Со мной всё в порядке. Если будем держаться вместе, преодолеем трудности.

Самолёт начал приземляться на небольшой площадке посреди тайги. Это была территория какого-то леспромхоза, название которого Пауль не смог найти на карте, но о его существовании говорил конечный пункт поездки, обозначенный в билетах. За несколько минут до посадки Паулю удалось из окна оглядеть территорию лесного посёлка. Она была невелика, состояла из немногочисленных деревянных построек, расположенных недалеко от реки, которая поражала взгляд размахом водного пространства.

– Кажется, в посёлке всего несколько улиц, – поспешил он сообщить Милене.

– Есть центр, по крайней мере у меня создаётся такое впечатление.

– Неужели такое ещё бывает в двадцать первом веке? – подумала Милена.

В это время самолёт тряхнуло от соприкосновения с землёй. Ещё несколько минут он шёл по короткой полосе, развернулся и, наконец, остановился, давая пассажирам понять, что перелёт закончен.

– Осталось ещё немного, и всё связанное с перелётом будет позади. Что будет дальше? – в порыве чувств подумалось Милене.

– Да, новая жизнь начинается, – эхом отозвался Пауль на её мысли, как будто прочитал их. И – это было хорошим предзнаменованием для Милены. Край земли, куда звал её Пауль, находясь ещё дома, оказался для них обоих действительно краем света, настолько необычным казалось теперь всё, что им предстояло ещё пережить.

Получив прямо на лётном поле свой нехитрый багаж, Пауль с Миленой вышли с территории аэропорта и медленно побрели по центральной улице посёлка. К их несказанному удивлению дорога сразу привела к длинному бревенчатому дому, на дверях которого висела доска с какой-то надписью. Решив, что это управление, вошли в здание. Пройдя несколько шагов по коридору, оказались в небольшом помещении, которое, видимо, играло роль приёмной. Там их встретила девушка лет двадцати, назвавшаяся Ольгой. Она попыталась установить с ними словесный контакт, но все трое сразу поняли, что он – невозможен.

Ольга, держа в руках их иностранные паспорта, подумала: «Лет десять назад у нас в школе изучался немецкий язык как иностранный, но в настоящее время вряд ли кто, даже из людей старшего поколения, помнит что-нибудь из него, сможет понять приезжих».

После того, как Пауль передал ей в руки конверт с письмом, полученным от матери, Ольга жестом правой руки указала иностранцам на стулья, стоящие около стены, и на время исчезла в кабинете, граничащим с приёмной секретаря. Её жест был понят правильно. Милена и Пауль подвинули чемоданы к стене, опустили на стулья и замерли в ожидании того, что произойдёт дальше. Через несколько минут дверь комнаты, в которой исчезла секретарь, отворилась, и из неё, в сопровождении Ольги, вышел мужчина лет пятидесяти, высокого роста и крепкого телосложения. Он пробуравил взглядом приезжих, перелистал их паспорта, сказал что-то секретарю, по всей видимости, приняв какое-то решение. Потом Ольга куда-то позвонила, о чём-то говорила с какой-то Марией. Та, по-видимому, с ней не соглашалась. По мимике лица девушки все поняли, что она пытается убедить собеседницу, но ей это плохо удаётся.

В это время мужчина задумчиво изучал адрес отправителя на конверте, который принадлежал иностранцам. Нахмутив лоб, пытаясь что-то вспомнить, он взял телефонную трубку из рук Ольги, сказал в неё несколько слов, и на другом конце провода его сразу поняли, кажется, даже согласились с его доводами. Через несколько минут та же Ольга сопровождала их к дому Марии. По дороге она пыталась объяснить приезжим, что Мария и бабушка Ксения – сводные сёстры. Наши иностранцы не понимали, о чём она пытается им сказать, но были рады, что, наконец-то, будет крыша над головой, где можно помыться с дороги и для начала отдохнуть.

Они перешли по дощатому мосту на другую сторону широкого ручья, а потом направились по дороге, как им подумалось, к центру. «Вот моя деревня, вот мой дом родной», – громко и восторженно прокричал Пауль.

Ольга удивлённо взглянула на него, не понимая, почему он в управлении не говорил по-русски? Откуда ей было знать, что Илона, обучая Пауля русскому языку, вложила в него все знания, которые в свою очередь получила от матери. Их было не так-то уж много, и изучение и знание их Паулем не поддавалось никакой логике.

Милена заговорила с Паулем на немецком, и Ольге оставалось только наблюдать за ними. Они шли по деревенской улице, перекидываясь незначительными фразами, выражая своё отношение к тому, что видели.

– Смотри, Пауль, овечки бегут по улице. Ты когда-нибудь видел их живыми?

– А ты? Как ты смогла их узнать? Наверное, кроме как на картинках, никогда и не встречала?

– Да, что ты? Я родилась в деревне. У нас было во дворе много животных. Вон, смотри, утки побежали к ручью, а там уже и гуси заняли пространство воды. Интересно, а лебеди здесь тоже есть?

– Не знаю, но предполагаю, – ответил Пауль, с усмешкой наблюдая за ней.

– Ой, у меня каблук застрял в грязи! Пауль, что мне делать? Да он сломался! Ужас, не знаю, куда ногой ступить. Везде грязь. Зачем я надела эти светлые брюки? Кошмар!

Милена остановилась, сняла туфли, подняла их над головой и застыла, как статуя. Ребятчий хохот был ей ответом. Оказывается, группа детей разного возраста наблюдала за их перемещением по улице.

– Картина, достойная подражания, – съехидничал Пауль, пытаясь превратить ситуацию в шутку.

Он сделал попытку приблизиться к Милене, но сам неожиданно для себя провалился ногой в новом ботинке в навозную жижу. Пауль, как клоун, вздёргнул плечами, широко развёл руками, играя на публику, и сказал по-русски:

– Простите. Не заметил опасность.

Громкий смех был ему ответом. Зрители оценили его юмор, прониклись к чужакам доверием, оттеснили Ольгу и гурьбой повели незнакомцев к месту ночлега. Один из парней постарше подъехал к толпе на лошади с телегой. В неё загрузили чемоданы, на которые посадили иностранцев. И так, в ребятчем сопровождении, они и въехали во двор бабушки Марии.

Пауль ещё пытался, как мог, шутить по-русски, но сам уже смеяться не мог. Хозяйка Мария быстро прогнала детей со двора, помогла Милене слезть с телеги и показала жестом на скамейку. Потом принесла таз, налила в него тёплой воды из чайника и предложила Милене опустить в него ноги. Пауль присел на скамейку рядом с любимой. Хозяйка приставила корявый указательный палец к своим губам, давая Паулю сигнал – сидеть и ждать своей очереди. Павел понял её, противоречить не стал, да и не хотелось ему ни о чём говорить, думал только о том, как бы поскорее добраться до постели.

Так начался их первый день проживания в глуши, вдали от города и других населённых пунктов. Хозяйка Мария, женщина пожилая, невероятно полная, но довольно подвижная и разговорчивая, пригласила их отобедать. Когда они зашли в горницу, то увидели богато накрытый стол. Центральное место на нём занимала глубокая алюминиевая чашка с варёной картошкой, подрумяненной на горячем жире и посыпанная зеленью.

– Ну, кажется, жизнь налаживается, – прошептал Пауль, подмигивая Милене. – Ничего, подруга, выживем, только придётся приспособиться к новой жизни.

– Поражаюсь твоему оптимизму, – услышал он в ответ от Милены. Её недовольный голос звучал уже не так уверенно, как на первом этапе их поездки, но это не могло испортить Паулю настроения.

– Ничего, Милена, мы просто с тобой устали во время этого долгого перелёта. Завтра будет день – будет пища, – вспомнил он вслух очередное выражение из тех, которые часто повторяла Илона в последние дни перед их отъездом.

Перед лицом Пауля всплыло лицо Илоны. Её грустные карие глаза смотрели на него прямо и, не отрываясь, проникая взглядом вглубь его существа. Лицо, без обычной на нём улыбки, заставило Пауля задуматься о причине её грусти. «Интересно, чем она сейчас занимается? – подумал он. – Что сказала бы в ответ на мой вопрос: Как тебе здесь нравится? – если бы оказалась в нашей ситуации.» Пауль представил себе на минуту, как будет рассказывать Илоне об их с Миленой путешествии, когда они вернутся домой. Он увидел внутренним зрением, как глаза Илоны засветились, улыбка появилась на её лице. Потом услышал её слова, прозвучавшие как будто рядом: «Ребята, крепитесь. Это только начало. То ли ещё ожидает вас впереди!» Пауль даже улыбнулся в ответ на её слова и потом только понял, что грезит наяву. Милена смотрела на него внимательно, но не нашла в себе сил вслух выразить впечатление от его счастливой улыбки. Про себя подумала: «Ну, прямо, как ребёнок. Радуетя всему, что видит, как будто домой приехал. Жаль, что нельзя завтра улететь обратно. Боже, дай силы вынести этот первобытный образ жизни. Если бы я знала, что мне здесь предстоит, никогда бы сюда не поехала».

Глава пятнадцатая о том, как фрау Перец совершает ночные обходы по отделению

Фрау Перец, совершая свой очередной, теперь уже ночной «обход больных» в отделении, в одной из комнат обнаружила детский уголок, в котором в это время спали дети: кто в коляске, кто на кровати, несколько маленьких фигур расположились по углам детской площадки. Их охраняли звери: зайчик, две собачки, кролик лопухий, коричневая обезьянка и несколько других мягких игрушек. В комнате было темно, но свет, идущий от окна, освещал спящих. Хозяйка комнаты, мадам Динозаврия, так называли её обитатели отделения, тоже находилась в ней. Она спала на большой кровати, у стены, расположенной в противоположной стороне комнаты. Тишина и покой царили в ней. Было как-то непривычно тихо. Днём из этой угловой комнаты часто раздавались громкие крики, стук и даже вой. По-видимому, именно это обстоятельство и привлекло днём внимание фрау Перец, оттого она и посетила комнату в ночное время, когда никто не мог обратить на неё внимание.

Фрау Перец нагнулась, взяла в руки одного из маленьких обитателей детского уголка, прижала к груди и быстрым шагом вышла из комнаты. Её быстрые шаги разбудили чутко спящую хозяйку, женщину восьмидесятилетнего возраста, худую особу со сморщенным лицом, на котором смешно выделялся большой острый нос. Она чем-то была похожа на фрау Перец.

Через несколько минут они уже стояли в полутёмном коридоре. Женщины-матери, молча, с любопытством, разглядывали друг друга. Первой очнулась фрау Перец, и, вздёрнув недоумённо плечами, повернулась спиной к хозяйке комнаты. В этот момент случилось непредвиденное: фрау Дофф, так звали обительницу этой комнаты, вцепилась ей в волосы и прошипела зло:

– Отдай моего Джуди! Мой сын! Моё дитя!

Фрау Перец, долго не раздумывая, пнула её ногой, развернулась и, гордо вскинув голову, пошла прочь.

– Ах, ты меня не поняла?

Удар по голове заставил фрау Перец остановиться. Она с ненавистью взглянула на нападающую и закричала пронзительным голосом:

– Отойди, отродье! Мой ребёнок!

Джуди сидел на руках фрау Перец молча, не подавая признаков жизни.

Ночная медсестра, а это была Илона, подбежав к двум фигурам в коридоре, застыла в недоумении, не соображая от усталости, что происходит. Но, увидев в руках фрау Перец обезьяну Джуди, всё поняла. Ведь это было действительно «дитя» фрау Дофф, которая не давала до него никому дотронуться. Это был её «сын», которого она воспитывала здесь в отделении уже в течение пятнадцати лет. Медсестра хорошо помнила, что эту мягкую игрушку подарила фрау Дофф одна из медсестёр, чтобы у той было хоть какое-нибудь занятие в течение дня.

Не обращая внимание на фигуру в белом, то есть на медсестру в кителе и брюках белого цвета, две женщины продолжали борьбу за ребёнка. Фрау Перец не собиралась с ним расставаться. Наконец-то она нашла, отыскала ту девочку, которую в ту злополучную ночь в родильном доме отобрали у матери и отдали бездетной семье. Теперь фрау Перец не хотела потерять её снова.

– Наверное, это та мамаша, в пользу которой я поставила роспись в документах. Жуткая особа. Но мне с ней разбираться некогда. Я должна спасти ребёнка и отдать настоящей матери. Силы небесные, помогите...

В этот момент кулак фрау Дофф настиг её. Та била по лицу. Пришлось прикрыть глаза. Новый удар сбил фрау Перец с ног. Потом фрау Дофф вырвала ребёнка из расслабившихся рук соперницы, развернулась и, гордо подняв его над головой, медленно пошла в свою комнату, уверенная в своей правоте. Она вышла из боя победительницей, спасла ребёнка. Добро одержало победу над злом.

Фрау Перец медленно поднялась с пола и, не обращая внимание на медсестру, направилась в сторону своей комнаты, которая находилась в другой стороне коридора. Внезапно она остановилась в небольшом зале, где около включенного телевизора спала крупная женщина, прижимая к груди ребёнка, принаряженного в белое платье с кружевами по случаю приближающегося праздника. Фрау Перец тихо подошла к женщине, спокойным движением высвободила ребёнка их цепких рук спящей. Та не шелохнулась во сне. А фрау Перец с счастливой улыбкой на лице, прижав девочку к груди, отправилась к себе в комнату. Там она положила куклу в шкаф, постелив под ребёнка полотенце и накрыв его другим. Пожелав девочке спокойной ночи, она побрела к кровати. Силы оставили её, как только она легла в постель. Когда медсестра зашла в комнату, фрау Перец уже спала безмятежным сном. По её лицу бродила довольная улыбка.

Глава шестнадцатая, в которой фрау Перец покидает клинику и встречается с профессором Рихардом Замятиным

– Да что же ты так медлишь? Не можешь быстрее шевелиться? От наших опытов зависит жизнь многих больных и сейчас, и в будущем. Так какие там результаты?

– Прекрасные, фрау Перец, – прозвучало в ответ. – Мы, кажется, нашли тот фермент, который в соединении с уже известным растительным препаратом может стать открытием для лечения многих психических заболеваний...

– Ну, ты наговоришь. Тебя только слушай. Дай посмотрю, что у нас получилось? Да, это, кажется, открытие... Что же делать дальше?

– Отправляйте информацию главному шефу.

– Шефу, шефу... какому шефу? – спросила фрау Перец вслух.

А сама про себя подумала: «Кто у нас шеф? Где его клиника? Ничего не помню... Ведь я же не сошла с ума, но я не помню имени шефа? Кто он? Где расположена его клиника? Куда посылать сообщение?»

Вопросы, на которые она не могла найти ответа, сводили её с ума. Мозг заволакивала какая-то плотная пелена. Потом наступила темнота. Фрау Перец потеряла сознание. Очнувшись в холодном поту.

– Где я? Что со мной? Мы открыли препарат, с помощью которого можно отодвинуть потерю памяти... Где ты? – позвала она лаборантку. – Сроду тебя не дозовёшься. Уволю!

Никто не откликнулся на её зов.

– Ну, надо же, совсем страх потеряли. Распустились! Ничем никого не проймёшь!

Фрау Перец открыла глаза. Взгляд упёрся в потолок, находящийся высоко над головой.

– Я не в лаборатории? Почему я лежу в постели? Я дома? Чей это дом? Это не моя спальня. Какое-то казённое помещение. О чёрт, я совсем забыла, что нахожусь в больнице...

Сознание возвращалось медленно: «Наверное, это был сон. Жаль, что открытие совершено во сне. Какой-то голос меня разбудил. Он продолжает о чём-то рассказывать. Кому? Ах, да, это же идёт передача по телевидению. Знакомый голос оповещает мир об открытии препарата, который поможет в борьбе за сохранение памяти. Должны быть проведены дополнительные исследования».

«Я должна попасть в группу по исследованию нового препарата. Обязательно! Хотя в роли подопытного кролика. Мой сон – это знак свыше. Я же видела сейчас конечную формулу, на основе которой можно создать препарат. Я ещё помню её».

Она вскочила с кровати, отыскала лист чистой бумаги, записала на него то небольшое, что сохранила память. «Так, теперь нужно выбраться из этих больничных казематов. Находиться здесь небезопасно. Врачи назначили столько медикаментов, что забывчивость может скоро перейти в нормальное состояние».

Фрау Перец помнила, как медсестра пыталась заставить её принять несколько таблеток одновременно. «С каждым днём их количество почему-то увеличивается. К сожалению, сейчас по внешней форме таблеток нельзя определить названия. Раньше могла сразу отличить психофармаку от сердечных или снотворных. А в настоящее время одни и те же медикаменты выпускают различные фирмы. Содержание их разное, но все они похожи друг на друга, как близнецы-братья, только действие отличается, как копия от оригинала. Все таблетки кругленькие, беленькие, как их только медсёстры не путают? Сейчас, пока голова с утра ещё светлая, нужно выбраться отсюда, нечего отвлекаться по мелочам».

В этот момент фрау Перец неожиданно для себя увидела на экране телевизора адрес клиники, из которой велась передача. Прочитав имя профессора, сделавшего открытие, воскликнула: «Боже, так это же наш преподаватель – Рихард Замятин!». Прошлые пронеслось картинками в памяти: «Он ещё в студенческие годы рассказывал нам о своих исследованиях в этом направлении. Считал меня одной из лучших своих учениц, предлагал остаться на кафедре, помочь поступить в аспирантуру. Тогда он был ещё молод».

Фрау Перец начала лихорадочно собирать вещи. К счастью, их почти не было. Никто из родственников здесь так и не появился. «Да и есть ли они у меня? Все родственные связи давно порваны. Кажется, медсестра Илона заходила несколько дней назад? Был какой-то шум. И эта женщина, Милена, тоже была с ней. Сегодня ночью Илона привиделась. Наверное, у неё была ночная смена? Кажется, это она подошла на крики в коридоре... Что там происходило? Какая-то женщина напала на меня, не помню почему».

Матовая пелена начала заволакивать сознание фрау Перец, но она была опытным врачом. Понимая, что через минуту может произойти очередной провал памяти, перестала думать. Это произошло без особых усилий с её стороны. Выглянула в коридор и, увидев, что входная дверь приоткрыта, вышла через неё в фойе. Двери лифта, как по заказу, открылись. Она вошла в его узкое помещение и через минуту оказалась на нижнем этаже здания. Вышла на улицу, спустилась по ступенькам во двор и по знакомой дорожке пошла на автобусную остановку в обход территории клиники. Минут через десять дошла до неё. Её качало из стороны в сторону, мысли путались, но была цель, которая вела подальше от клиники, где через несколько лет она может потерять последние проблески памяти. Это психиатр фрау Перец хорошо понимала.

Автобус шёл за город по своему обычному маршруту. По расписанию он останавливался то на одной, то на другой остановке. Их названия женщине ни о чём не говорили, ничего не напоминали. Вот уже город остался позади. Водитель объявил последнюю остановку под названием «Исследовательский институт». Фрау Перец с трудом поднялась с сидения, попыталась расправить плечи. Сознание работало на автомате возможностей. Выйдя из автобуса, женщина прошла немного вперёд вдоль дороги и, увидев первый поворот направо, свернула. С трудом передвигая ноги, пошла вверх по накатанной дороге к воротам клиники, которая располагалась на территории исследовательского института.

До ступенек, ведущих в главный корпус клиники, женщина дошла, но здесь силы оставили её. Фрау Перец потеряла сознание и упала бы на землю, если бы не сильные руки мужчины, которые подхватили её. Он куда-то позвонил, не выпуская тело женщины из рук. Потом опустился на ступени, ведущие к двери здания. Только после этого мужчина посмотрел в лицо незнакомки, которая, вероятно, совсем не случайно оказалась на пороге клинки, которой руководил он, профессор Рихард Замятин. Лицо женщины показалось ему знакомым. Вглядевшись в него внимательно, он узнал любимую студентку Доротею Перец, о которой часто вспоминал. Профессор отметил про себя, что годы оставили отметины на её лице – следы прожитых без него лет. Перед глазами одна за другой сменялись картины прошлого:

Вот ещё относительно молодой, улыбающийся, уверенный в себе, он подходит с букетом алых роз к девушке в розовом платье. Она принимает букет, улыбается в ответ смущённой улыбкой. Потом они долго бродят по городу. Нашли приют в трамвае, который вывез их за город. Присели на одинокую скамью посреди цветущей растительности. Он говорит о своих планах, об открытиях, которые грезятся ему по ночам. Она отвечает односложно, несмело, давая ему возможность выговориться.

Потом они договариваются встретиться у него на квартире, располагающейся на центральной городской улице, недалеко от Драматического театра. Он каждый вечер, стоя у окна, всматривается в прохожих в ожидании, что она появится, но тщетно.

Она пришла только через несколько месяцев, когда уже наступила зима. Он хорошо помнил тот день, когда однажды вечером в квартире неожиданно громко прозвучал звонок. «Помню, как я тогда открыл дверь и застыл в изумлении. На лестничной площадке стояла моя Доротея, которую я так долго ждал. Белый пуховый платок и светло-серое пальто с таким же светлым каракулевым воротником, осыпанные снегом, превратили её в снегурку, пришедшую из сказки. Я широко распахнул дверь перед дамой моего сердца, предложил войти в мои пенаты. Она вошла тихо и грациозно, предварительно сняв платок в коридоре, стряхнув с него слой снега. Потом мы сидели на кухне и пили чай.

– Мне сказали, что вы были больны. Я не знала, где вас найти, но решила всё же постучать в дверь вашей квартиры. Вы вспоминали обо мне? – спросила девушка тихо, глядя мне в глаза.

– Да, конечно! Вас нельзя забыть, – ответил я.

Потом я начал рассказывать о себе, о том, что живу один уже несколько лет, что уехал из родного города, потому что хотел жизненных перемен. Вот получил место доцента, снял квартиру в этом городе...

Она слушала меня внимательно. Рассказала немного и о себе. Запомнил только, что детство было трудным. Мечтала стать врачом. Скоро государственные выпускные экзамены в институте. Я тогда растерялся, заметался по комнате. Показывал ей альбомы, книги. Предложил одну книгу взять с собой, почитать в общежитии, где она жила в то время. Она вернула книгу недели через две, но потом старалась не попадаться мне на глаза, пропускала лекции, семинарские занятия. Я не мог понять, в чём причина её поведения, ждал с нетерпением её прихода ко мне домой. Потом не выдержал. Несколько вечеров подряд провёл в студенческом

общежитии в надежде увидеть, но не встретил её, не нашёл. На государственных экзаменах старался помочь, как мог. Её оценки, наверное, предвосхитили её ожидания.

Позже она исчезла в водовороте событий, захлестнувших обоих. Я так и не успел признаться ей в любви. Может быть, она, юная красавица, откликнулась бы на моё предложение соединить судьбы? Однажды вечером, перелистывал книгу, которую тогда, зимним вечером, дал ей прочитать. Из неё выпал лист бумаги. Это была поздравительная записка моего младшего сына к 50-летию со дня рождения. В этот момент я понял причину странного поведения Доротеи в последние недели перед окончательным исчезновением. Я был старше её почти на тридцать лет, и понял, наконец, что это была главная причина, которая развела нас тогда. Никогда больше не предпринимал попыток поиска своей избранницы, с головой погрузился в мир исследований. И вот – эта неожиданная встреча на пороге моего детища! Я создал этот исследовательский институт своими открытиями, которые следовали одно за другим. Опыт учёного, помноженный на веру в себя и поддерживаемый силами, существующими вне человеческого разума, помогали мне открывать один за другим лекарственные препараты растительного происхождения. В настоящее время я недалёк от решения глобальной проблемы: запуска в жизнь проекта экспериментальной программы создания и внедрения в практику растительного вещества для лечения амнезии, и не только её, но и многих других психических заболеваний, связанных с сохранением памяти. Это касается и профилактики различных форм депрессии, шизофрении и болезни Альцгеймера».

Об этом думал сейчас профессор Рихард Замятин, сидя на ступенях своего детища. Через несколько минут их окружили работники клиники. Сразу две машины скорой помощи, подъехавшие с разных концов города, огласили звуком сирен пространство перед институтом. Специалисты уже колдовали над женщиной, находящейся без сознания. А уважаемый профессор отдавал распоряжение, чтобы женщину перевезли в одно из отделений клиники, находящегося на территории исследовательского института. Сотрудники не узнавали своего шефа. Он выглядел несколько иначе, чем всегда. От обычного спокойствия и душевного равновесия не осталось и следа. Он как будто даже помолодел. Попросил секретаря отложить все встречи и мероприятия, которые можно было перенести на более поздний срок. Он что-то запланировал, но никто не мог понять, что задумал шеф, а также, что является причиной таких резких изменений, происходящих с ним?

Работники исследовательского института не понимали, что происходит с шефом. Но он-то хорошо знал причину своего состояния. Он, ещё не предполагая, как развернутся события, уже прекрасно понимал, что на этот раз сделает всё, чтобы не потерять любимую женщину. Ведь случайностей не бывает. Сознание того, что его Доротея, которую он любит безответной любовью в течение всей сознательной жизни, теперь рядом, придавало ему силы.

«Не может быть случайностью тот факт, что providение привело её почти в бессознательном состоянии к порогу моего института. Случайность в этом случае равняется нулю. Но всё это настолько невероятно, что я не хочу больше ни о чём думать. Она здесь и баста, и точка. Теперь нужно понять причину её состояния. Помочь ей из него выйти. Ничего нет важнее этой цели. Для достижения её нужна светлая голова».

Отдав все необходимые распоряжения, профессор вышел из кабинета, так никого и не оповестив о своих дальнейших планах. Через полчаса он уже сидел обычным посетителем у изголовья любимой женщины, только что доставленной в одноместную палату на каталке скорой помощи. Фрау Перец пришла в сознание, но лежала без движения, не открывая глаз, словно наслаждаясь тишиной и совершающимися вокруг неё действиями. Понимала ли она, Доротея Перец, что с ней произошло или происходит? Никто бы в этот момент не смог дать ответа на этот вопрос.

«А сейчас – спокойствие, спокойствие и ещё раз спокойствие, – думал профессор, держа её руку в своей и согревая дыханием. – Сначала необходимо иметь на руках общий анализ

крови. Его результаты должны помочь понять, что с ней происходит, а там начнём и действовать».

Рука любимой уже не была такой безжизненной, как во время первого прикосновения к ней на ступеньках исследовательского института. «Ещё немного, и она откроет глаза. Введение глюкозы и других препаратов оказывает своё действие», – думал профессор. Через несколько минут вокруг женщины уже суетился почти весь персонал отделения. Профессор чётко отдавал распоряжения одно за другим.

Когда Доротея Перец открыла глаза, то сначала не поняла, кто с ней рядом. Она не знала и где она, только белые потолки, белые простыни и медицинские приборы говорили о том, что находится опять в больничной палате.

– Что же со мной в последнее время происходит? – подумала женщина. – Когда же всё это закончится? Устала я. Нет больше сил. Слабость во всём теле. Ничего не помню. Боже, помоги мне.

В этот момент она услышала тихий, но очень знакомый мужской голос:

– Любимая, милая, как долго я тебя ждал. Я здесь, рядом с тобой. Теперь всё будет хорошо. Я помогу тебе, дорогая, только немного потерпи.

Глава семнадцатая, в которой Пауль знакомится с Вереной и предпринимает с ней поездку к «шаманке» Ксении

В эту ночь Паулю не спалось. Он встал рано и решил немного прогуляться в надежде уйти от мыслей, которые его одолевали. Пауль шёл по просёлочной дороге сначала медленно, потом всё ускоряя шаги. За последними домами почувствовал лёгкость во всём теле и ему захотелось в предраассветной тишине увидеть Ангару во всём её величии. Немного постоял на берегу полноводной реки, прислушиваясь к шорохам. Всё здесь было необычно и предвещало, как в детстве, путешествие в сказку. Рассветало. Солнце предпринимало первые шаги, чтобы выйти из своего убежища, но его лучи уже освещали небо, и цвет его изменялся каждое мгновение.

Вдруг Пауль заметил на берегу реки невысокую фигурку, которая быстро приближалась к лодке, готовой в любой момент отплыть от берега. Сам не ожидая от себя такой прыти, замаяхнул руками и побежал с насыпи вниз. Он был приятно удивлён, увидев перед собой девчонку лет пятнадцати, симпатичной внешности. Она не испугалась, когда он приблизился, а только приветливо ему улыбнулась. Подниматься опять на насыпь Паулю показалось смешным, и он жестами попросил девчонку взять его с собой на прогулку по реке. Она улыбнулась, ответным жестом предложив ему сесть в лодку. Пауль увидел в её корзинке забавного щенка. На корму лодки взгромоздился кот, большой и пушистый. Он смотрел на Пауля понимающим взглядом, пристальным и внимательным, как будто проверял его на прочность.

– Что я делаю? – подумал Пауль. – Это же сумасшествие ехать ранним утром на лодке по широкой реке, да ещё в обществе девчонки. Что люди скажут?

В то же время он не мог повернуться и уйти. Что-то заставляло его остаться.

– Ну, хорошо, – подумал он. – Когда ещё представится случай – покататься на лодке по Ангаре, да, может быть, пару дней прожить в тайге. Милена одного меня никуда не отпустит, а сама никогда не решится на такую поездку. А была не была! Где наше не пропадало, – вспомнил он одну из поговорок, которые перед отъездом записала ему в дневник Илона. Она сказала тогда: «Не сомневайся, в Сибири эти слова помогут тебе найти контакт с местным населением».

Пауль посмотрел девушке в лицо, приподнял кепку и игривым голосом повторил вслух: «Где наше не пропадало».

Девушка сначала ничего не ответила, но через пару минут вдруг неожиданно сказала:

– Меня зовут Верена.

Пауль понял, что незнакомка назвала своё имя.

– Пауль, – представился он в ответ. – Откуда у тебя такое красивое имя? Оно звучит по-немецки.

Верена понимающе улыбнулась в ответ на его слова:

– Бабушка говорит, что я – кусочек счастья, появившийся у неё в год, когда не стало моих родителей. Отца с матерью я не помню. По словам бабушки, они жили где-то в Европе, а потом приехали на Ангару, когда мне было два года. Родители через год погибли. Ушли в горы и не вернулись. Всё здесь покрыто тайной. Никого из свидетелей ни моего рождения, ни смерти родителей – нет. Ве-ре-на. Ведь красиво звучит моё имя, правда? Мне оно тоже нравится. В наших краях я – единственная с таким именем. Теперь меня ты ни с кем не спутаешь, правда?

Пауль почти не понимал, о чём говорила девушка, но она смотрела на него таким доверчивым взглядом, что у него перевернулось что-то в груди. Взгляд напомнил ему Милену. «Когда она так смотрит, снизу вверх, то в её взгляде появляется что-то необыкновенно притягательное, свойственное только ей. Я всегда думал, что так смотреть может только Милена, но сейчас сомневаюсь. Очень уж девчушка похожа на неё. Я давно перестал удивляться всему, что происходит со мной в последнее время, перестал искать объяснение своим поступкам. Вот и сейчас – плыву в лодке с незнакомой девчонкой, гребу вёслами и ни о чём думать не хочется. Ощущение свободы от условностей чувствуется в незнакомых местах с необычной силой».

– Пауль, моя бабушка Ксения просила когда-нибудь привезти тебя к ней. Если ты не против, я это сделаю сейчас, раз выдался такой неожиданный случай. Ты не против?

Из слов Верены Пауль понял только «сейчас» и «бабушка Ксения». В сознании пронеслось: «В общем-то я приехал в эти края к бабушке Ксении. Может о ней говорит эта девчонка? Может, это единственный случай, когда я смогу её увидеть?»

– Как к ней добраться? Это далеко?

– Нам нужно причалить к берегу на другой стороне реки и пройти немного по тропинке.

– Хорошо. Посетим бабушку Ксению раз она хочет меня увидеть, – ответил Пауль Верене, но в голосе его не прозвучала уверенность в правильности принятого решения.

Девчушка вела себя так, как будто и не сомневалась в его положительном ответе. Понимали друг друга, объясняясь жестами. Через час они уже шли по лесной тропинке, которая вела в глубь таёжной чащобы. Кот бежал впереди, то исчезая, то вновь появляясь на тропе. С ним было как-то спокойнее. Пауль предложил Верене нести корзинку с щенком. Она не отказалась от его помощи. Девочка шла уверенно, легко, словно бежала. Пауль еле поспевал за ней. Чувство страха, однажды возникнув, исчезло. «Что будет, то будет, – пролетело в его сознании. – но предчувствую, что всё будет хорошо».

Часа через два подошли к ручью. Видимо, последние ливни размыли переправу, если она вообще когда-нибудь здесь существовала. Девушка, казалось, на минуту растерялась. Потом попыталась объяснить Паулю возможный ход их дальнейших действий:

– Можно спуститься опять к Ангаре и вернуться в посёлок, а можно перейти ручей вброд. Здесь неглубоко. Но вода холодная, заболеешь ещё.

Пауль понял ход её мыслей, улыбнулся, подхватил её на руки, и чтобы не было времени на раздумья, вошёл в воду, провалившись сразу по пояс, но не выпустив Верену из рук. Девушка не испугалась его действий. Видно было, что в тайге она свой человек. Она как бы испытывала Пауля на прочность. Наконец, достигнув противоположного берега, выбрались на траву и побрели, мокрые и молчаливые, дальше. Молчание продолжалось только несколько минут. Верена не могла молчать, как птица, которой не давали щебетать определённое время, а потом нашёлся человек, который вслушался в её голос и оценил его звучание.

По словам и жестам Верены, если Пауль её правильно понимал, до бабушкиной избытки было рукой подать. Но она всё не появлялась. Пауль даже подумал, что они сбились с тропы,

а Верена боится ему признаться в этом. Вдруг поднялся сильный ветер. Деревья закачались, потрескивая и постанывая. Раздались тревожные крики птиц. Верена улыбнулась и перевела Паулю, о чём они кричат. Оказывается, медведь вылез из берлоги, ветер нарушил его сон.

– Птицы предупреждают нас об опасности, но Мишка – мой друг. Если он нам вдруг встретится на пути – не бойся. Он славный и смешной.

– А если заблудимся, не дойдём до бабушки? – спросил девушку Пауль. Тревожные нотки звучали в его голосе.

– Осталось идти совсем недолго, – ответила Верена спокойно. – Что устал? Проголодался? Да, голод – не тётка. Здесь я тебе не помощник, не напекла в дорогу пирогов. Я ведь вчера в деревню от бабушки пришла и опять в обратную дорогу. Что-то холодновато стало. Может, костёр разожжём, да одежду высушим, а то заболеешь ещё, что я с тобой делать буду?

Пауль улыбнулся, а про себя подумал: «Забавная, девчонка. Играет роли: то подруги, то сестры, а сейчас – матери. Не всё понимаю, но смысл слов доходит до сознания. Меня она тоже, кажется, понимает. Пожалуй, не стоит останавливаться в пути, как она предлагает. Кто знает, куда заведёт тропа, и сколько времени придётся выбираться?»

Только сейчас Пауль начал осознавать, что натворил, а вслух сказал на немецком:

– Милена, наверное, меня давно ищет? Весь посёлок на ноги поставила. А я здесь знакомлюсь с красотами природы. Надо же быть таким безответственным?

Верена поняла только слово «Милена» и засмеялась в ответ:

– Я им с тётей Марией записку на столе оставила из двух строк: «Не ищите Пауля. Мы поехали к бабушке Ксении. Верена». Я и соседей предупредила. А дяде Яше ещё утром, когда он мне лодку в дорогу готовил, сказала, чтобы хозяйке вашей передал, что ты со мной пойдёшь навестить свою бабушку.

– Что ты сказала? Ты заранее знала, что я с тобой пойду? И почему вдруг твоя бабушка стала моей? Ты что-то путаешь, Верена?

– Нет, нет, я не путаю. Это бабушка немного подшаманила. Очень уж она хотела тебя увидеть. Меня попросила тебя к ней привести. Признаюсь, я выполнила её просьбу. Она знает всё, что с нами сейчас происходит, так что в обиду не даст, не бойся. Знаешь Пауль, бабушка говорит, что ты – мой двоюродный брат. Она ведь сестра мамы твоего отца и мать моего отца. Так что поздравь себя с сестрёнкой.

Кое-что из слов Верены Пауль понял, по крайней мере, слова «бабушка» и «сестра» были ему знакомы. Сказанное было настолько неожиданным, что всю оставшуюся дорогу он молчал, пытаясь ответить на вопрос: Происходят с ним сейчас реальные вещи, или, может быть, это часть сна, и он пока ещё из него не вышел, не очнулся? Радостное настроение сменилось печалью. Он думал теперь об отце, о том, что не знает своего прошлого.

– Может, бабушка поможет понять, в чём тут дело, почему столько трагедий в наших с тобой семьях? – спросил Пауль, на немецком обращаясь к Верене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.